

КОСТРОМСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ 1 и 15 чис.
Цѣна за годъ 5 руб.;
отдѣльно по 25 коп. за
номеръ.

Годъ XIII.

№ 12.

Адресъ: Кострома,
въ Редакцію Костром-
скихъ Епархіальныхъ
Вѣдомостей.

Объявленія печатаются по 15 коп. за обыкнов. строку за одинъ разъ,
по 10 коп. за два и болѣе раза.

ОТДѢЛЪ I. ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОТЪ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 29 апрѣля 1896 г. мѣ-
нія Государственнаго Совѣта, окончательнымъ срокомъ для обмѣна кре-
дитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 г.,
выпущенныхъ на основаніи Высочайшаго указа 25 мая 1888 г., назна-
чено 31-е декабря 1899 г.

По истеченіи этого срока, кредитные билеты указанныхъ до-
стоинствъ образца 1887 г. не будутъ принимаемы въ казенные плате-
жи и не обязательны къ обращенію между частными лицами. Призна-
ки кредитныхъ билетовъ 5 руб., 10 руб. и 25 руб. достоинствъ, обмѣнъ
и обращеніе коихъ прекращается 31 декабря 1899 г., слѣдующіе: Ри-
супокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою
по свѣтло-коричневому фону. Годъ выпуска обозначенъ внизу лицевой
стороны—въ 5 руб. билетѣ (не позже 1894 г.) слѣва, а въ 10 руб.
(не позже 1892 г.) и 25 руб. билетахъ (всѣ 1887 г.) по срединѣ би-
лета. Обратная сторона билета содержитъ поперечный рисунокъ съ
государственнымъ гербомъ по срединѣ, крупною цифрою влѣво и из-
влеченіемъ изъ мафифества—вираво и отпечатана: 5 руб. бил.—синею
краскою, 10 руб. бил.—красною краскою, 25 руб. бил.—лиловою крас-
кою. О такомъ сообщеніи Министра Финансовъ Хозяйственное Упр-
вленіе, по распоряженію Синодальнаго Оберъ-Прокурора, имѣетъ честь
объявить по духовному вѣдомству, для зависящихъ распоряженій.

РАСПОРЯЖЕНІЕ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

О допущеніи фотोगрафа Барцевскаго къ фотографированію и осмотру церковныхъ предметовъ по Костромской епархіи. (Выписка изъ журнал. постановленія Костр. д. консисторіи, отъ 24 мая 1899 г. за № 1392, утвержденнаго Его Преосвященствомъ 28 того же мая).

Слушали отношеніе Императорской археологической комиссіи, отъ 18 сего мая за № 819, въ которомъ, сообщая о выдачѣ фотографу Императорской академіи художествъ И. Θ. Барцевскому открытаго листа на собраніе матеріаловъ по исторіи искусства въ Россіи, просить сдѣлать распоряженіе о безпрепятственномъ допущеніи г. Барцевскаго къ осмотру, обмѣру, фотографированію и снятію копій съ церковныхъ и другихъ древнихъ предметовъ, имѣющихъ научный интересъ и находящихся въ церквахъ, соборахъ и монастыряхъ Костромской епархіи. Приказали: О содержаніи отношенія за № 819 объявить духовенству епархіи къ исполненію, чрезъ напечатаніе въ Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Маршрутъ предполагаемаго обзорнія Костромской епархіи Его Преосвященствомъ Преосвященнѣйшимъ Виссаріономъ, Епископомъ Костромскимъ и Галичскимъ, въ іюнь 1899 г.

Числа.	Предполагаемыя мѣста для обзорнія.	Приблизительное число верстъ.	Мѣста священнослуженій
	Кострома.		
10—11	Сокольское	165	Священнослуженіе.
	Устье	1	
	Крутые	7	
	Дороеево	1	
11—12	Семеновское	12	Священнослуженіе.
	Крутцы	12	
	Содичное	4	
	Гари	3	
	Скоробогатово	15	

12—13	Ковернино . . . . . Б.	12	Священнослужение.
	Попурово	20	
13—14	Бѣлбажскій монастырь Б.	15	Священнослужение.
14—15	Покровское	—	Священнослужение.
	Ильинско-Заборское Б.	12	
	Успенское на Керженцѣ	10	
15—16	Баки	50	Священнослужение.
	Дмитріевское	10	
	Сквозяныи	10	
16—17	Притыки	6	Священнослужение.
	Беберино . . . . . Б.	7	
	Лапшага	14	
17—18	Шуда	30	Священнослужение.
	Богоявленское	25	
	Архангельское на Волу	10	
	Георгіевское на Волу	3	
18—19	Бѣлышево	8	Священнослужение.
	Турань	13	
19—20	Верховолостное	62	Священнослужение.
	Халбужъ	9	
	Онуфріевское	15	
20—21	Бывшій г. Унжа	8	Священнослужение.
	Торино	10	
	Солталово	15	
21—22	Коткишево	8	Священнослужение.
	Полома	10	
	Воскресенское-Понизье	8	
22—23	Никольское-Доръ (Палъино)	8	Священнослужение.
	Ильинское въ Шарикѣ	10	
	Богословское	10	
	Бовыкино	5	
23—24	Словинка . . . . . Б.	15	Священнослужение.
	Боговское	13	
24—25	Пеньки	12	Священнослужение.
	Игодово . . . . . Б.	18	
	Старое-Дворище . . . . . Б.	15	
25—26	Спасъ-Пеня	20	Священнослужение.
	Александрово	8	
	Жвалово	6	
26—27	Семилово	8	Священнослужение.
	Грудево	5	

Ильинское	7
Кострома	35
Итого	815

Кинешемскаго уѣзднаго отдѣленія Костромскаго епархіальнаго училищнаго совѣта очередныя собранія во вторую половину текущаго 1899 г. имѣютъ быть: 29-го іюля, 23-го августа, 27-го сентября, 27-го октября, 29-го ноября и 13-го декабря, — каждый разъ въ 6 час. вечера въ квартирѣ предсѣдателя отдѣленія.

Положеніе церковнаго и школьнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги на средства фонда имени Императора Александра III къ январю 1899 года.

Фондъ имени Императора Александра III образованъ былъ по мысли нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича.

Въ минувшій пятый отчетный годъ существованія названнаго фонда въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ на церковно-строительное дѣло въ Сибири поступило нѣсколько крупныхъ суммъ. Первое изъ такихъ пожертвованій въ 10000 р., отъ потом. поч. гражданина И. А. Колесникова, обезпечило сооруженіе церкви, школы и причтовыхъ домовъ въ глухой мѣстности Тарскаго у. Тобольской г.—деревнѣ Атиркѣ, гдѣ эти постройки немедленно же и были начаты. Около 6000 руб. было получено отъ душеприказчика Н. И. Случевского, каковыя деньги были употреблены на возведеніе церкви при станціи Омскѣ. Третій щедрый взносъ въ 7000 р. поступилъ отъ неизвѣстнаго жертвователя и на эти средства предпринята постройка храма во имя св. Параскевы въ поселкѣ Михайловскомъ Томской губ.; наконецъ въ томъ же февралѣ заприходовано самое значительное пожертвованіе въ 42315 руб., отъ неизвѣстныхъ благотворителей, назначившихъ этотъ капиталъ на сооруженіе 10 церквей и школъ въ память въ Бозѣ почившихъ Императора Александра II и Супруги Его Императрицы Маріи Александровны. Въ послѣдующіе мѣсяцы отчетнаго года въ кассу фонда поступило: отъ не-

извѣстнаго въ мартѣ на двѣ церкви процентныхъ бумагъ на сумму 8755 руб., въ апрѣлѣ отъ неизвѣстнаго 3000 руб., отъ О. И. Кудрявцевой 3000 р., отъ А. Ф. 8000 р., отъ пот. поч. гражданина П. И. Егорова 8000 р., отъ неизвѣстной изъ Екатеринослава 10000 р., отъ М. О. Тепловой 5000 р., отъ А. П. Бажанова 3750 руб., отъ А. В. Добронравовой 5000 руб., отъ Н. М. Бардыгина 5109 р., отъ Е. Н. Савичъ 3000 руб., отъ княгини А. А. Друцкой-Соколинской 20000 р., отъ И. М. Терещева 5000 р., отъ И. Д. Баева 3000 р., отъ тайнаго совѣтника Терещенко 2200 р. и отъ отца Иоанна Кронштадтскаго или черезъ него около 10000 р., при чемъ всѣмъ вышеуказаннымъ крупнымъ жертвователямъ изъ числа нескрывшихъ своего имени была, по повелѣнію Государя Императора, объявлена Высочайшая Его Величества благодарность. Кромѣ названныхъ лицъ, значительную помощь фонду оказали многіе губернаторы, принявшіе на себя сборъ пожертвованій во вѣреннѣхъ имъ губерніяхъ; изъ нихъ наиболѣе сочувственно отнеслись къ сему дѣлу и собрали крупныя суммы въ минувшемъ году слѣдующія лица: Иркутскій генераль-губернаторъ, губернаторы: Архангельскій, Пермскій, Казанскій, Смоленскій, Симбирскій, Нижегородскій, военный губернаторъ Уральской области, Рязанскій губернаторъ и вице-губернаторы Владимірскій и Ярославскій. Всѣмъ поименованнымъ лицамъ, по повелѣнію Государя Императора, объявлена была Высочайшая Его Императорскаго Величества благодарность. Наконецъ, притоку мелкихъ поступленій изъ провинціи на сумму около 12000 р. въ значительной мѣрѣ способствовало распоряженіе г. министра финансовъ о приѣмѣ пожертвованій въ фондъ имени Императора Александра III во всѣхъ казначействахъ губернскихъ и уѣздныхъ на депозитъ канцеляріи Комитета министровъ. Всего въ отчетномъ году на приходъ записано 281079 р. 41 к., что вмѣстѣ съ поступлениями предыдущихъ лѣтъ составляетъ 765215 р. 84 к.

Дабы не отказываться отъ пожертвованій, весьма часто вносившихся подъ непремѣннымъ условіемъ сооруженія отдѣльных храмовъ, приходилось начинать возведеніе новыхъ церквей при взносахъ въ 3—4 тысячи руб., каковая сумма, по первоначальнымъ расчетамъ, считалась, впрочемъ, вполне достаточною для постройки небольшого сельскаго деревяннаго храма. Такимъ образомъ заложено было 138 церквей. Послѣдующій опытъ доказалъ, однако, что, не смотря на соблюденіе всемѣрной экономіи въ расходахъ,—чему, между прочимъ, въ весьма значительной мѣрѣ способствовало установленіе по распоряженію министра финансовъ льготнаго тарифа для бесплатной

перевозки по желѣзнымъ дорогамъ всѣхъ предметовъ церковнаго почитанія и обихода для Сибирскихъ церквей,—не взирая на даровые лѣса, землю и даже церковную утварь и на безвозмездный и въ высокой степени усердный трудъ переселенцевъ, оказалось невозможнымъ ограничиться менѣе чѣмъ 7—8 тысячами (а со школою и 10 тысячами) на церкви, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ удвоились и утроились цѣны на рабочія руки и строительный матеріалъ, въ другихъ, по недостатку лѣса, пришлось вести постройку изъ камня, въ третьихъ, въ нѣсколькихъ селеніяхъ, разросшихся въ мѣстечки и почти что въ города, храмы потребовались гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ то первоначально было предположено. Значительнѣйшая часть мелкихъ, не имѣющихъ опредѣленнаго назначенія пожертвованій,—была ассигнована на покрытие перерасхода по означеннымъ отдѣльнымъ церквамъ и тѣмъ не менѣе изъ 138 заложенныхъ храмовъ окончено постройкою только 59. Остается достроить 79 церквей и при многихъ изъ нихъ устроить помѣщеніе для причта, безъ чего не можетъ быть назначенъ въ церковь священникъ и начато совершеніе богослуженія.

Многіе изъ помянутыхъ 79 храмовъ очень недалеко отъ окончанія и, въ случаѣ поступленія новыхъ пожертвованій, могли бы быть освящены въ теченіе настоящаго же 1899 года. Изъ такихъ церквей прежде всего слѣдуетъ указать на три лучшіе по архитектурѣ храма, строящіяся на средства фонда при станціяхъ: Петропавловскъ, Омскъ и Обь (въ поселкѣ Ново-Николаевскомъ), окончить которые тѣмъ болѣе желательно, что одинъ изъ нихъ (въ поселкѣ Ново-Николаевскомъ) строится въ особливую память въ Божѣ почившаго Царя-Миротворца, а другой—(при станціи Петропавловскъ) посвященъ св. Маріи Магдалинѣ, имя которой носитъ Е. И. В. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Для достройки ихъ требуется 64000 р.

Собранные къ 1-му января сего года 765000 р. израсходованы полностью, и дальнѣйшій ходъ дѣла всецѣло зависитъ отъ поступленія новыхъ пожертвованій; другихъ средствъ на церковное строительство въ переселенческихъ поселкахъ въ Сибири—нѣтъ. Переселенцы—новоселы слишкомъ бѣдны, чтобы созидать храмы на собственные средства. Самое большее, что могутъ дать они—это свой личный трудъ, и такимъ трудомъ они всегда и вездѣ помогаютъ. Изъ Государственнаго Казначейства въ текущемъ году на церковное строительство въ Сибири отпущена крайне незначительная сумма въ 25.000 руб., являющаяся, однако, по состоянію фонда вспомогательныхъ предпріятій, связанныхъ съ постройкою Сибирской желѣзной дороги, предѣльною суммою

возможнаго ассигнованія изъ означеннаго источника. До сего времени дѣло церковнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги пользовалось полнымъ сочувствіемъ со стороны общества. Подготовительная при комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммиссія, на которую Высочайше возложено завѣдываніе и распоряженіе суммами фонда имени Императора Александра III, прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы и на будущее время успѣхъ церковно-строительнаго дѣла въ районѣ Сибирской желѣзной дороги не ослабѣвалъ. Помимо важности самаго дѣла, къ такому отношенію еще особенно обязываетъ то вниманіе и живой интересъ, съ которыми относятся къ духовному просвѣщенію нашей окраины Государь Императоръ. Его Величество, пожаловавшій для Сибирскихъ церквей и серебро на утварь, и матеріи для облачений, и кромѣ того, повелѣвшій отпустить изъ артиллерійскихъ складовъ 16,400 пудовъ мѣди-латуни, изъ которой былъ отлитъ 61 звонъ колоколовъ, и въ минувшемъ году Высочайше соизволилъ пожертвовать для Сибирскихъ школъ 475 экземпляровъ описанія путешествія Его Величества на востокъ въ 1890—91 г.г., изданнаго княземъ Ухтомскимъ. Кромѣ того, Августѣйшее вниманіе Государя Императора къ нуждамъ церковнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги выражалось и въ Высочайшихъ отмѣткахъ по означенному вопросу. Такъ, напримѣръ, на всеподданѣйшемъ рапортѣ о состояніи Томской г. за 1895 г., противъ упоминанія о недостаткѣ въ церквахъ и школахъ для переселенческихъ селеній, Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: *„Вопросъ о постройкѣ церквей въ Сибири въ особенности въ новыхъ поселкахъ, очень близокъ Моему сердцу“*. Въ минувшемъ году на всеподданѣйшемъ отчетѣ о состояніи Асмолинской области за 1896 г., противъ объясненія о томъ, что въ переселенческихъ поселкахъ Асмолинской области строится 41 церковь и 18 школъ, послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка: *„Желаю, чтобы при каждой церкви была школа. Обращаю на это вниманіе. Статсъ-Секретаря Куломзина“*.

Къ сожалѣнію, въ этомъ году недостатокъ средствъ не позволилъ заложить ни одной новой школы: едва хватало средствъ на достройку начатыхъ, такъ какъ почти всѣ поступавшія пожертвованія приходилось пересылать на продолженіе постройки церквей. Между тѣмъ это дѣлу настолько важно, что нельзя къ нему относиться безучастно, нельзя забывать, что и церкви и школы въ Сибири—это два апостола вѣры и просвѣщенія, которые призваны въ то же время скрѣпить связь между этой

окраинной и Европейской Россіей; съ проведеніемъ желѣзной дороги—Сибирь пробуждается для новой культурной дѣятельной жизни, и тѣмъ болѣе важно теперь, чтобы въ этой богатой странѣ, имѣющей впереди такую великую и блестящую будущность, твердо стояло православіе и всюду господствовала русская рѣчь. Безъ школы, безъ церкви этого достигнуть трудно. Внося съ собою свѣтъ истины и ученія, Сибирскія церкви служатъ въ то же время часто памятниками различнѣхъ событій, знаменательныхъ для Царскаго нашего Рода.

Большинство оконченныхъ уже постройкой церквей въ районѣ Сибирской желѣзной дороги вышло очень удачно: чаще всего это небольшія, но красивыя деревянныя церкви, вполнѣ достаточныя, чтобы удовлетворять духовныя нужды населенія тѣхъ поселковъ, гдѣ онѣ сооружены, а иногда также другихъ наиболѣе близко расположенныхъ селеній. Всего выстроено и строится еще при станціяхъ желѣзной дороги 24 церкви, въ Тобольской губ.—28, въ Томской губ.—24, въ Акмолинской обл.—39, въ Забайкальской обл.—4, въ Енисейской губ.—5, въ Приморской обл.—13 и въ Амурской обл.—1. Для сохраненія этихъ церквей отъ бѣдствій пожаровъ, по совѣту покойнаго Московскаго митрополита Сергія, сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы вокругъ каждой церкви былъ насаженъ рядъ деревь, которыя послужатъ для церкви живою зеленою изгородью и, украшая храмъ, оградятъ отъ огня въ случаѣ пожара по сосѣдству. Кромѣ того, циркулярно предложено рекомендовать переселенцамъ—самимъ страховать всѣ церковныя зданія на свой счетъ. Переселенцы охотно принимаютъ вездѣ это указаніе къ исполненію, и такимъ образомъ можно разсчитывать, что огонь не будетъ оказывать своего губительнаго дѣйствія на Сибирскія церкви. Доселѣ несчастію пожара подверглась одна церковь въ поселкѣ Сперанскомъ. Церковь сгорѣла прежде, чѣмъ ее успѣли застраховать. Населеніе поселка, съ такою радостью взиравшее на окончаніе давно желаннаго храма, теперь въ большомъ уныніи, такъ какъ средствъ на возобновеніе церкви у нихъ нѣтъ, а въ фондѣ имени Императора Александра III, какъ уже указано, всѣ деньги израсходованы, и въ наличности не осталось почти ничего.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ одна надежда на прежнихъ благотворителей фонда имени Императора Александра III и на всѣхъ ревнителей и поборниковъ вѣры, свѣта, добра и истины. Да помогутъ они своими посильными жертвами святому дѣлу, подъятому во славу Божию, на благо скудныхъ средствами и просвѣщеніемъ меньшихъ братьевъ нашихъ—переселенцевъ далекой Сибири.

Пожертвованія на дѣло церковнаго и школьнаго строительства въ Сибири принимаются въ канцеляріи Комитета министровъ (С.-Петербургъ, Маріинскій дворецъ) и, согласно сдѣланному министромъ финансовъ распоряженію, во всѣхъ казначействахъ губернскихъ и уѣздныхъ—на депозитъ названной канцеляріи. Для сбора пожертвованій выставлены кружки во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго банка.

Свѣдѣнія Костромской дух. консисторіи.

Возведены въ санъ протоіерея: села Вичуги благочинный Іоаннъ Остроумовъ 21 мая; г. Костромы Христорождественской церкви священникъ Александръ Нифонтовъ и г. Галича Вознесенской ц. священникъ Іоаннъ Ильинскій 23 мая. *Награждены:* а) *наберденником:* с. Угледа священникъ Николай Медіокритскій 24 мая; с. Боговскаго свящ. Василій Кудрипъ и с. Лежнева свящ. Сергій Аполловъ 28 мая; б) *скуфией:* с. Нейскаго свящ. Павелъ Голубевъ 29 мая; законоучитель Костромскаго промышленнаго училища имени О. В. Чижова свящ. Павелъ Европинъ 28 мая; с. Верховолостнаго свящ. Симеонъ Веселовскій 1 іюня.

Умерли: с. Пакалей свящ. Андрей Дроздовъ 12 мая; с. Сараева псаломщикъ Іоаннъ Правдинъ 17 мая; Троицкой церкви, что въ Шебалѣ, заштатный священникъ-пенсіонеръ Павелъ Лебедевъ 18 марта; Юрьевецкаго собора заштатный протоіерей-пенсіонеръ Платонъ Михайловскій 3 мая; села Крутцовъ псаломщикъ Никандръ Покровскій 29 мая.

Уволены заштатъ: г. Кинешмы Крестовоздвиженской ц. псаломщикъ Михайлъ Аристовъ 13 мая; с. Михайловскаго, Галичскаго уѣзда, свящ. Петръ Птицынъ 29 мая.

Посвящены въ стихарь: с. Комарова псаломщикъ Василій Шредтеченскій 23 мая; Варваринской ц. г. Плеса псаломщикъ Іоаннъ Воздвиженскій 16 мая.

Опредѣлены на мѣста: окончившій курсъ Костром. дух. семинаріи Сергій Высотскій на священническое мѣсто въ село Порки-Павловы, Нерехт. уѣзда, 28 мая; сынъ псаломщика Леопольдъ Аристовъ на псаломщическое въ Крестовоздвиженской ц.

г. Кинешмы 13 мая; учитель Старовоскресенской ц.-пр. школы Леонидъ Оранскій на священническое въ село Бахарево, Кинеш. уѣзда, 22 мая; с. Успенскаго, Макарь. уѣзда, діаконъ Николай Полетаевъ на священническое въ село Денисьево, Галич. уѣзда, 3 іюня.

Перемѣщены: села Денисьева священникъ Владиміръ Левитскій въ с. Бобынино, Галичскаго уѣзда, 3 іюня; села Ключей, Ветлужскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Арсеньевъ въ село Яхноболь, Галичскаго уѣзда, 5 іюня.

Рукоположенъ въ санъ діакона учитель ц.-пр. школы села Михайловскаго, Чухломскаго уѣзда, Алексѣй Добровольскій къ Благовѣщенской ц. быв. г. Судая, 21 мая.

Назначена пенсія: заштатнымъ священникамъ сель: Жириatina Павлу Бѣлокрылину съ 2 января 1899 г. и с. Кокорюгина Іоанну Космодамианскому съ 7 января 1899 г., по 130 р. въ годъ каждому, по опред. Св. Синода отъ 18—28 марта 1899 г. № 1077 (Ук. Син. 30 апр. 1899 г. № 2448).

И. д. благочиннаго Юрьевецкаго 1 округа священникъ Павелъ Алякритскій утверждень въ должности благочиннаго 4—8 іюня 1899 г.

Высочайшія награды: Государь Императоръ, согласно съ заключеніемъ комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства о наградахъ, по ходатайству Костромскаго епархіальнаго Преосвященнаго, Всемилостивѣйше соизволилъ, къ 18 апрѣля сего года, ко дню св. Пасхи, пожаловать медалями съ надписью „за усердіе“, за заслуги по духовному вѣдомству: а) *для ношенія на шею: золотою на Владимірской лентѣ:* старосту Христорожественской церкви, что въ Дебрѣ, г. Костромы, Костромскаго 2-й гильдіи купца *Михаила Фролова;* *золотою на Станиславской лентѣ:* старосту Воскресенской церкви г. Галича, Галичскаго 2-й гильдіи купца *Ивана Нешпанова;* *серебряными:* на *Аннинской лентѣ* старосту Воскресенской церкви посада Пучежа, Юрьевецкаго уѣзда, Пучежскаго мѣщанина *Константина Кунеева;* на *Станиславской лентѣ:* старостьъ церквей: с. Владычня, Кинешемскаго

уѣзда, потомственнаго почетнаго гражданина Григорія *Набатова*; Срѣтенской кладбищенской г. Кинешмы, Кинешемскаго 2 гил. куп. Петра *Доброхотова*; села Ковернина, Макарьевского уѣзда, крестьянина Якова *Куликова*; села Бѣлышева, Варнавинскаго уѣзда, Яранскаго 2-й гильдіи купца Ивана *Бердникова*; Введенскаго погоста, Костромскаго уѣзда, крестьянина Аѳанасія *Пикарева*; Спаской, что за рѣкой Волгой, г. Костромы, Костромскаго мѣщанина Елеазара *Свѣшниковова*; Покровской, что на Удгодѣ, Буйскаго уѣзда, крестьянина Матѳея *Иванова*; села Соболева, Юрьевоцкаго уѣзда, крестьянина Ивана *Кузова*; б) для пошенія на руди: золотыми на Станиславской лентѣ: старостьъ церквей: слободы Андреевской, Костромскаго уѣзда, крестьянина Евстафія *Ковалева*; села Шалдежина, Варнавинскаго уѣзда, крестьянина Степана *Семенова-Комндантова*; села Ильинскаго на Кубани, Костромскаго уѣзда, крестьянина Николая *Прокофьева*; серебряными на Аннинской лентѣ: старосту Стефановской церкви г. Кострома, Костромскаго мѣщанина Виталія *Пастухова*; на Станиславской лентѣ: старостьъ церквей: села Раменья, Чухломскаго уѣзда, крестьянина Авксентія *Смирнова*; Троицкой, что на Вексѣ, Буйскаго уѣзда, крестьянина Льва *Смирнова* и села Краснаго-Поливановыхъ, Нерехтскаго уѣзда, крестьянина Герасима *Астафьева*.

Прим.: Пожалованныя помянутымъ лицамъ медали консисторіею имѣють быть высланы чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ.

Вакантныя мѣста: а) *священническія*—въ селахъ: Успенскомъ, Гаряхъ, Жарахъ, Валкахъ, Красныхъ-Усадахъ, Тимошинѣ и Покровскомъ при Бѣлбажскомъ монастырѣ—Макарьев. у.; Урепѣ, Семеновѣ, Карповѣ, Вознесенскомъ на Ветлугѣ и Пакаляхъ—Варнав. у.; Хмѣлевеѣ, Карпунихѣ, Широковѣ и Ключахъ—Ветлуж. у.; Троицеомъ и Троицкой въ Ликургѣ—Буйск. у.; Борисоглѣбскомъ и Кандауровѣ—Юрьевоц. у.; Филимоновѣ—Чухлом. у.; Воронцовѣ—Нерехт. у.; Михайловскомъ—Галичск. у. и Вичугѣ, Кинешем. у.;

б) *діаконскія*—въ селахъ: Успенскомъ—Макарьев. у.; Молвитинѣ—Буйскаго у.;

б) *псаломщическія* въ селахъ Селятской-волости Галич. у.; Цельнѣ—Юрьевед. у.; Княжей-пустыни—Кологрив. у. и Сараявѣ—Нерехтскаго уѣзда.

Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Виссаріонъ, Епископъ Костромской и Галичскій, 10 сего іюня выбылъ изъ г. Костромы для обзора церквей въ уѣзды: Макарьевскій, Варнавинскій, Кологривскій, Галичскій, Кинешемскій и Костромской по 27 іюня включительно.

ВОЗЗВАНІЕ.

Милостивые и христіолюбивые благотворители!

Въ селѣ Хоробровѣ, Макарьевскаго уѣзда, Костромской епархіи въ ночь на 30 поября 1898 года сгорѣлъ деревянный храмъ съ колокольнею, на которой растопились и колокола.

Епархіальнымъ начальствомъ по просьбѣ прихожанъ разрѣшено построить каменный храмъ. На сей предметъ потребна не малая сумма, не менѣе 15 тысячъ.

Приходъ села Хороброва состоитъ только изъ 184 душъ, крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ, живутъ бѣдно и на свои средства не въ состояніи построить храмъ.

Теперь же причтъ и церковный староста, озабоченные постройкою храма, обращаются къ просьбою къ благотворителямъ святыхъ храмовъ Божіихъ.

Помогите, добрые люди, всему святому дѣлу! Не прихоть, но крайняя нужда взываетъ о помощи. Помогите, кто чѣмъ можетъ, помня слова: „дающаго рука не оскудѣетъ“.

Пожертвованія можно записывать въ сборную книгу, выданную изъ Костромской духовной консисторіи на имя крестьянина Димитрія Лебедева, или же присылать почтою по адресу: Юрьеведъ, Костром. губ. Причту и старостѣ Николаевской церкви села Хороброва.

Содержаніе официальной части. Отъ Министерства Финансовъ—Распоряженіе епархіальнаго начальства. Маршрутъ предполагаемаго обозрѣнія Костромской епархіи Его Преосвященствомъ Преосвященнѣйшимъ Виссаріономъ, Епископомъ Костромскимъ и Галичскимъ въ іюнѣ 1899 г. Отъ Кинешемскаго уѣзднаго отдѣленія Костромскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. Положеніе церковнаго и школьнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги на средства фонда имени Императора Александра III-го къ январю 1899 года. Свѣдѣнія Костромской дух. консисторіи. Воззваніе.

Редакторы: Ректоръ Семинаріи Прот. І. Сырцовъ.
Преподаватель Семинаріи В. Стросовъ.

ОТДѢЛЪ II. ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ТАЙНЫМИ ГРѢХАМИ.

Поученіе Преосвященнѣйшаго Виссаріона во 2-ю недѣлю
по Пятидесятницѣ.

*Не слышателие закона праведни предъ Богомъ,
но творцы закона, сіи оправдятся, въ день, егда су-
дитъ Богъ тайная человекомъ, по благовѣстію мо-
ему Иисусомъ Христомъ (Римл. 2, 13. 16).*

Вь сегодняшнемъ апостольскомъ чтеніи идетъ разсужде-
ніе о правосудіи Божіемъ, которое явлено будетъ особенно въ
день послѣдняго суда, когда каждому воздано будетъ по дѣламъ
его. Всѣ люди будутъ судимы по дѣламъ не только явнымъ,
извѣстнымъ Богу и людямъ, но и тайнымъ, извѣстнымъ только
Богу и совѣсти каждаго. Благо тѣмъ, которые предстанутъ на
судъ съ совѣстію чистою. Они оправданы будутъ пелидепріят-
нымъ судьею Христомъ не только за жизнь неукоризненную по
внѣшнимъ дѣламъ, для всѣхъ примѣтнымъ, но и за тайныя,
одному Богу извѣстныя дѣла благочестія и добродѣтели; по го-
ре тѣмъ, въ которыхъ Господь усмотритъ дѣла достойныя осу-
жденія, отъ людей сокрытыя. Люди судятъ о человѣкѣ только
по внѣшнимъ его дѣламъ, иначе судить не могутъ, ибо чужая
душа — потемки. Мало ли людей, которые производятъ благопріят-
ное впечатлѣніе на зрителя видимыми дѣлами благочестія и доб-
родѣтели, хотя въ то же время совершаютъ дѣла преступныя и
умѣютъ сокрыть отъ чужихъ глазъ слѣды своихъ преступленій?
Мало ли людей безчестныхъ, которые слывутъ честными? Есть
уголовные преступники, которые ускользаютъ отъ рукъ земного
правосудія единственно потому, что успѣваютъ спрятать концы
своихъ дѣяній, имѣющихъ открыться предъ всѣми только на су-
дѣ Божіемъ.

Къ тайнымъ дѣламъ, достойнымъ осужденія, относятся также тайныя нечистыя побужденія, по которымъ совершаются добрыя дѣла. Люди не видятъ этихъ побужденій, зато видитъ ихъ Богъ сердцевѣдецъ. Такіе люди называются лицемѣрами. Въ подобномъ лицемѣрїи Господь Иисусъ обличалъ лицемѣрныхъ фарисеевъ. Они творили долгія молитвы, изнуряли себя строгими постами, раздавали милостыни, созывая къ себѣ нищихъ трубою, но все это дѣлали напоказъ, чтобы видѣли ихъ люди и хвалили. Люди видѣли только внѣшнія дѣла благочестія и челоуѣколюбія, но о нечистыхъ побужденіяхъ, о честолюбіи и тщеславіи ихъ не догадывались. Это была тайна, которая обличена будетъ передъ всѣми на страшномъ судѣ. Подобному обличенію и осужденію на страшномъ судѣ подвергнутся многіе христіане, которые, будучи въ душѣ нечестивы и нечелоуѣколюбивы, являются предъ людьми набожными и щедрыми благотворителями съ цѣлю списать благоволеніе къ себѣ общества, выслужиться предъ начальствомъ и получить повышеніе по службѣ и награду. Своихъ нечистыхъ цѣлей они достигаютъ на землѣ, зато ничего не получаютъ на небесахъ, ибо они не помышляли о небесной наградѣ, а думали только о земной славѣ.

Строгий судъ за тайныя дѣла, наконецъ, ожидаетъ тѣхъ, душа которыхъ наполнена нечистыми помыслами, нецѣломудренными чувствованіями и желаніями, богохульными мыслями, враждою и завистью. Не всякій изъ людей стороннихъ, даже близко знакомыхъ, знаетъ объ этихъ злыхъ расположеніяхъ души въ ближнемъ своемъ, зато видитъ ихъ Богъ сердцевѣдецъ и будетъ судить за нихъ грѣшника съ такою же строгостію, какъ и за явные пороки и преступленія.

Судъ надъ тайными злыми дѣлами и душевными расположеніями будетъ произведенъ Иисусомъ Христомъ. Онъ есть искупитель грѣшниковъ, Ему же единому принадлежитъ и власть суда надъ ними, какъ самъ Онъ изрекъ: *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ всецѣло даде Сынови* (Іоан. 5, 22). Участіе въ Его судѣ примутъ сонмы Силь небесныхъ и святыхъ, прославленныхъ Богомъ челоуѣковъ. Тѣ и другіе будутъ судьями безмолв-

ными. Отъ нихъ не потребуется никакого судопроизводства. Они будутъ только свидѣтелями грѣховъ, подлежащихъ суду, и однимъ присутвіемъ своимъ станутъ обличать грѣшника. Въ настоящее время многіе согласятся лучше умереть, чѣмъ вынести обличеніе предъ подобными себѣ. Стыдъ этого обличенія служитъ причиною, почему многіе грѣшники или совсѣмъ не являютъ на исповѣдь, не желая, чтобы духовникъ зналъ ихъ грѣхи, или на самой исповѣди утаиваютъ ихъ, или стараются оправдывать ихъ. Есть и такіе грѣшники, которые, желая по ложному стыду избѣжать обличенія своихъ грѣховъ, мѣняють духовниковъ. Они не желаютъ строгихъ и выбираютъ снисходительныхъ и склонныхъ къ челоуѣкоудію. Ничего подобнаго нельзя ожидать грѣшникамъ на страшномъ судѣ. Если въ настоящей жизни грѣшники стыдятся обличенія своихъ грѣховъ предъ подобными имъ людьми, то какой стыдъ и ужасъ поразитъ грѣшника, когда предъ очами безчисленнаго сонна свидѣтелей и обличителей обнажатся всѣ его преступленія, которыя онъ совершалъ безнаказанно на землѣ, успѣвая скрыть ихъ отъ земного правосудія, его злыя мысли и намѣренія, которыхъ никто не подозрѣвалъ здѣсь въ его благовидныхъ поступкахъ,—когда личина лицемѣрія, которою онъ прикрывался предъ ближними, снимется съ него и онъ предстанетъ предъ всѣми во всемъ своемъ нравственномъ безобразіи! Напрасно они тогда въ порывѣ отчаянія и отъ невыносимаго стыда будутъ вопіять горамъ и камнямъ: „падите на насъ и сокройте насъ отъ лица Сѣдящаго на престолѣ и отъ гнѣва Агнца“ (Апок. 6, 16), окруженнаго безчисленными соннами свидѣтелей и обличителей. Вопль ихъ не будетъ услышанъ. Время, какое долготерпѣливый Господь давалъ имъ на покаяніе, прошло безвозвратно. Предостереженія отъ погибели, угрожающей нераскаяннымъ грѣшникамъ, слышанныя ими изъ устъ благовѣстниковъ и пренебреженныя, уже не повторятся. Остается одно—поживать то, что посѣяли.

Таковы, братіе, страшныя послѣдствія нераскаянности во грѣхахъ, заботливости не о томъ, чтобы не дѣлать ихъ, а о томъ, чтобы скрывать ихъ. *Дѣль тайно, еже не явлено будетъ,*

ниже утаено, аже не познается и от явлении приидетъ (Лук. 8, 17). Если не любовью къ Богу, если не мыслію о гнусности грѣховъ, то, по крайней мѣрѣ, страхомъ послѣдняго суда за всѣ явные и тайные грѣхи будемъ вслѣдствіи удерживаться отъ нихъ.

Поученіе оканчивающимъ курсъ химико-техническаго училища **О. В. Чигова** въ г. Костромѣ.

Вознесши благодарственное моленіе Господу Богу за Его великія милости и помощь вамъ въ истекшемъ учебномъ году, я, любезные юноши, не хочу пропустить удобный и послѣдній случай напутствовать васъ словомъ. Когда прощаются съ родными, друзьями и вообще близкими людьми, то обыкновенно говорятъ благожеланія и какія-либо особенно важныя напоминанія, наставленія. Такъ и я, прощаясь съ вами (съ нѣкоторыми, быть можетъ навсегда, — кто знаетъ?!), повинуюсь требованію пастырскаго долга (2 Тим. 4, 2) и вмѣстѣ съ тѣмъ собственному расположенію къ вамъ, нахожу нужнымъ сказать нѣсколько краткихъ наставленій и благожеланій въ самостоятельной жизни, открывающейся предъ вами съ нынѣшняго дня.

Прежде всего твердо храните вѣру въ Бога и Господа **И. Христа**. Прощаясь съ Своими учениками, предъ Своими страданіями, **И. Христосъ** говорилъ имъ: *да не смущается сердце ваше: оврууйте въ Бога и въ Мя оврууйте* (Іоан. 14, 1). Такъ и вы никогда не смущайтесь, не дадите духомъ въ жизни, — но въ своихъ трудахъ, скорбяхъ и несчастіяхъ, если они постигнутъ васъ (а вѣдь каждаго постигаютъ они), прежде всего въ вѣрѣ всегда ищите помощь, одобреніе и утѣшеніе, — и вѣрѣте, только въ ней одной вы найдете себѣ истинное утѣшеніе, ободреніе и помощь; не забывайте, что Спаситель постоянно зоветъ въ Себѣ всякаго скорбящаго: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мате. 11, 28); говоритъ Онъ. — Затѣмъ, дорожите истиной православнаго христіанскаго ученія. Помните, что вы по рожденію и воспитанію при-

надлежите къ единой истинной церкви Христовой, — той церкви, которую, по обѣтованію нашего Спасителя, врата адавы не одолѣютъ (Матѣ. 16, 18) и съ которою Онъ, Христосъ, обѣщанъ пребывать *во вся дни до скончанія вѣка* (— 28, 20). Носему не увлекайтесь всякимъ вѣтромъ ученія (Еф. 4, 14), то-есть ни какимъ заблужденіемъ, какъ бы ни казалось оно новымъ и заманчивымъ, — стойте твердо въ вѣрѣ православной и будьте даже готовы (насколько вы въ силахъ), когда представится случай, дать отвѣтъ всякому вопрошающему васъ о вашемъ упованіи — о вашей вѣрѣ (1 Петр. 3, 15). А такихъ случаевъ малоли можетъ представиться на фабрикахъ и заводахъ, наполненныхъ иностранцами, гдѣ вамъ придется служить?!... Будьте вообще православно-русскими по своимъ взглядамъ, убѣжденіямъ, сочувствіямъ, по своему патріотизму, по своей преданности вѣрѣ, царю и отечеству.

Вашему юношескому возрасту свойственны разныя увлеченія и похоти. Но вы „юношескихъ похотей убѣгайте“ (2 Тим. 2, 22), особенно убѣгайте пьянства и распутства. Знайте, что ни пьяницы, ни блудницы царствія Божія не наследуютъ (1 Кор. 6, 10. 11; Ефес. 5, 5), да и въ этой жизни часто погибаютъ.

Вамъ предстоитъ въ жизни трудъ. Трудъ — тѣлесный или духовный — составляетъ обязанность каждаго человѣка. Апостоль Христовъ говоритъ: *аще кто не хочетъ дѣлать, ниже да ясть* (2 Тес. 3, 10), т.-е. кто не хочетъ трудиться, тотъ и не долженъ ѣсть, тотъ не имѣетъ права на пищу (дармоѣдъ). Будьте же трудолюбивы, какими мы до сего времени видѣли васъ — трудитесь во славу Божію. Если вы будете исполнять трудъ полезный, нравственно-дозволенный, — будете приступать къ труду съ молитвою къ Богу и ованчивать трудъ также молитвою, отъ своихъ трудовъ праведныхъ будете удѣлять на храмъ Божій и на добрыя дѣла ближнимъ: то, трудясь такъ, вы востину будете трудиться во славу Божію.

Наконецъ, не забывайте то учебное заведеніе, въ которомъ вы обучались. Славу заведенія поддерживайте вашимъ добрымъ поведеніемъ и вашимъ трудолюбіемъ. Добрая, полезная жизнь

на благо отечества—вотъ эта благодарность училищу, от которой оно ждетъ отъ васъ. *Поминайте и наставниковъ вашихъ* (Евр. 13, 7), усердно—по мѣрѣ своихъ силъ и знаній—трудившихся надъ вашимъ воспитаніемъ и обученіемъ. Особенно же всегда поминайте въ молитвахъ своихъ приснопамятнаго основателя сего училища—раба Божія боярина Феодора, которому вы обязаны приобрѣтенными здѣсь полезными знаніями. Усердная молитва ваша за него Господу Богу—объ упокоеніи души его будетъ свидѣтельствовать о вашей искренней благодарности ему за то великое добро, какое онъ сдѣлалъ вамъ посредствомъ своихъ пожертвованій. Да благословитъ васъ Господь на все доброе и да поможетъ вамъ въ предстоящей жизни быть Создателю во славу, родителямъ вашимъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу! Аминь.

Важнѣйшая заслуга Пушкина передъ потомствомъ.
(Рѣчь, читанная воспитанникамъ Костромской духовной семинаріи 26-го мая 1899 г.).

Вся образованная Россія нынѣ торжественно чтитъ сотую годовщину со дня рожденія Александра Сергѣевича Пушкина, одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей русской литературы. Безвременно сошедшій со сцены жизни, Пушкинъ доселѣ не потерялъ и долго еще не потеряетъ воспитательнаго и образовательнаго значенія для русскаго народа. Онъ самъ высказалъ увѣренность, что будетъ славецъ, „доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ пѣтъ“, т. е. доколь въ человѣческомъ обществѣ не утратится потребность поэтическаго творчества и наслажденія имъ; что „слухъ о немъ пройдетъ по всей Руси великой“, и къ его памятнику „не заростетъ народная тропа“. Почти современные намъ поэты, далеко не заурядные, считаютъ его прямо своимъ учителемъ; другіе же, не сознаваясь въ этомъ, ясно обнаруживаютъ подражаніе ему. Гоголь, какъ извѣстно, пользовался указаніями Пушкина и получалъ отъ него темы для своихъ лучшихъ произведеній. Достоевскій считаетъ поэзію Пушкина пророческою по отношенію къ будущему рус-

скаго народа. Въ школахъ всякаго рода Пушкинъ среди другихъ (отечественныхъ писателей) является господствующимъ: его произведенія въ учебныхъ хрестоматіяхъ доселѣ помѣщаются въ числѣ, и значительно преобладающемъ. Очевидно, что за нимъ признаютъ значеніе не только литературное, но и воспитательное и образовательное. И въ этомъ отношеніи заслуга Пушкина передъ потомствомъ, за которую его такъ широко чтятъ и теперь, образованная Россія, не заключается, стало быть, не въ однихъ только необычайныхъ литературныхъ дарованіяхъ, а въ чемъ-то болѣе существенномъ, что оказало вліяніе не только на развитіе литературныхъ понятій, но и вообще на развитіе жизни, и притомъ вліяніе благотворное. Критика впрочемъ давно уже опредѣлила, какъ безспорную заслугу Пушкина въ этомъ отношеніи, что онъ первый изъ русскихъ поэтовъ былъ поэтъ въ полномъ смыслѣ народный. Быть народнымъ поэтомъ — заслуга дѣйствительно большая. Народный писатель уясняетъ народу истинныя, коренныя его свойства и лучшимъ изъ нихъ указываетъ дальнѣйшее развитіе; когда нужно, онъ указываетъ ему его недуги и способы врачеванія ихъ; онъ становится выразителемъ его духовныхъ стремленій и потребностей, указываетъ путь къ разумному ихъ осуществленію; онъ, наконецъ, уясняетъ его задачу и роль въ общечеловѣческой жизни, и тотъ вѣрнаго пониманія которой зависитъ его судьба, и, когда нужно, пробуждаетъ въ немъ вѣру въ себя. Таковъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть народный писатель.

Что же именно сдѣлалъ Пушкинъ въ этомъ смыслѣ для русскаго народа и, если онъ дѣйствительно что нибудь сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, кому или чему принадлежитъ первенство, — это яснѣе всего покажетъ намъ исторія. Намъ нужно будетъ сдѣлать хоть краткое историческое обзорѣніе всей жизни и литературы русскаго народа до Пушкина. Постараемся, для очевидности, держаться положеній и фактовъ общезвѣстныхъ.

Жизнь и литература русскаго народа рѣзко раздѣляется на два главныхъ періода, границу которыхъ служатъ реформы, произведенныя Петромъ Великимъ. Дореформенный періодъ рус-

ской жизни, какъ она отразилась въ древней литературѣ, поражаетъ всякаго изслѣдователя господствомъ своей основной черты — религіозностью, церковностью, которая однакожъ не мѣшала ей быть вполне государственной жизнью. Съ принятіемъ изъ Византіи христіанской вѣры и просвѣщенія, русскій народъ отътуда же принялъ и усвоилъ и политическій идеалъ самодержавнаго хозяина земли — царя и помазанника Божія! Съ тѣхъ поръ обѣ эти черты — и православіе и самодержавіе являются основными стихіями или началами народной жизни. И между ними нѣтъ раздѣленія, какъ нѣтъ раздѣленія интересовъ ихъ въ самомъ народѣ. Православная церковь, въ лицѣ своихъ пастырей, принимала дѣятельное участіе въ развитіи и укрѣпленіи самодержавія, а самодержецъ — царь, который въ народѣ иначе и не называется, какъ православный царь, и мірскіе люди не только являются защитниками церкви, но нерѣдко и лучшими выразителями ея истинъ. Извѣстно, напр., какимъ высокимъ пониманіемъ духа православной церкви дышетъ поученіе Владиміра Мономаха; извѣстно также, съ какимъ интересомъ къ своему предмету и съ какимъ пониманіемъ его написано посланіе Грознаго въ Кирилловъ монастырь. Представители церкви, даже отшельники, въ своихъ сочиненіяхъ никогда не были отвлеченными или безучастными къ гражданскимъ, мірскимъ интересамъ народа. Лучшимъ доказательствомъ въ этомъ отношеніи является „Домострой“. Вообще сочиненія до-Петровскаго періода говорятъ о самыхъ разнородныхъ предметахъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, но общій колоритъ ихъ одинаковъ — религіозно-церковный. Не было раздѣленія литературы на духовную и свѣтскую, какъ не было и самаго слова „свѣтъ“ въ пынѣшнемъ смыслѣ; была одна православная „крестьянская“ (христіанская) свято-русская земля, одинъ православный русскій народъ. И сидень былъ русскій народъ этимъ единствомъ, своими основными началами. Имъ онъ обязанъ тѣмъ, что не погибъ подъ тяжестью тѣхъ бѣдствій, какія постигли его въ исторіи, подобныя которымъ въ конецъ сокрушали другіе народы. Мы разумѣемъ здѣсь главнымъ образомъ бѣдствіе татарскаго ига. Мало того, что не

погибъ, но вышелъ изъ-подъ тяжести его съ новыми силами, явился еще вѣрче, еще могущественнѣе, какъ тотъ любимый имъ Илья-богатырь, его созданіе и олицетвореніе, который, лежа подъ врагомъ, готовымъ уже отсѣчь ему „поплечъ буйную голову“, почувствовалъ въ себѣ силы втрое.

Но у русскаго народа не было науки, и отсутствіе ея много вредило ему. До татарскаго нашествія, онъ не уступалъ въ наукѣ европейцамъ; татарское иго естественно остановило ея развитіе. А между тѣмъ продолжительный застой въ наукѣ началъ уже вредно отражаться на жизни русскихъ, способствуя ихъ огрубѣнію, которое особенно становится замѣтнымъ въ XV—XVII вѣкахъ и о которомъ такъ любятъ говорить и свои и иностранные писатели, и древніе и особенно—новые. Впрочемъ для тѣхъ наблюдателей, которые наблюдали жизнь русскихъ долго и не поверхностно, было ясно, что грубость ихъ нравовъ не коренная, происходитъ не отъ черствости сердца, а, такъ сказать, наносная. Корень народа былъ чистъ и здоровъ. Нравственныя начала жизни, какъ они выразились въ словесномъ народномъ творчествѣ, поражаютъ насъ трезвостью и высотой. Народъ, создавшій образъ Ильи Муромца, этого храбрѣйшаго и гуманнѣйшаго богатыря, героя, который въ своихъ подвигахъ руководствуется заповѣдью своего отца: „не убей въ чистомъ полѣ крестьянина, не помысли зломъ на татарина“; народъ изъ котораго вышли Θεодосій Печерскій, Сергій Радонежскій, Тихонъ Задонскій и другія подобныя свѣтила, — можетъ ли быть такой народъ пороченъ и грубъ внутренно, сердечно? Это отлично понимали и понимаютъ люди, не поверхностно, а серьезно наблюдавшіе русскій народъ. Приведемъ здѣсь отзывъ о русскомъ народѣ такого иностранца, отъ котораго всего менѣе можно ожидать благопріятнаго отзыва, — отзывъ нѣмецкаго пастора Іоанна Готфрида Грегори, долгое время жившаго въ Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Этотъ нѣмецъ, побывавъ потомъ на родинѣ и сравнивъ своихъ соотечественниковъ съ русскими, собиравъ снова въ Россію, оставилъ въ альбомѣ своего друга стихи слѣдующаго содержанія: „Хотя

доблестныхъ русскихъ и называютъ варварами, они все-таки — не варвары, и я открыто свидѣтельствую, что въ этой варварской странѣ нѣтъ ничего варварскаго... Крестьянинъ тамъ небоженъ; у него выше всего Богъ и простодушіе въ характерѣ. Послѣднее учить его исполнять, какъ должно, заповѣди, удерживаетъ его отъ грѣха и дѣлаетъ его вѣрнымъ. Горожанинъ не заносчивъ. Довольный своимъ состояніемъ, онъ чтитъ Бога и царя. Въздѣлахъ онъ честенъ, но если кто его обидитъ, онъ съумѣетъ постоять за себя. Кто не пожелалъ бы охотно жить въ такой странѣ, гдѣ въ которой въ съвѣльшій страхомъ чтутъ и любятъ всевышняго Бога, очѣмъ здѣсь (въ Германіи), гдѣ слову Божию учатъ до оскомины. Прощайте, нѣмецкіе друзья, на многіе несчастные годы! И хотя я прославляю и вашу страну и ваше великолѣпіе, все же у дикаго народа я могу быть еще счастливѣе“ (*).

Наука однако же была необходима для русскихъ, и учиться имъ этой наукѣ было не у кого, кромѣ европейцевъ. И Петръ Великій, пересадившій къ намъ европейскую науку, не былъ, такъ сказать, исторической неожиданностью, а былъ лишь логическимъ выводомъ изъ предыдущей исторіи. Можно даже сказать, что онъ есть воплощеніе самого русскаго народа, который, какъ богатырь, просидѣвшій сиднемъ тридцать три года или проспавшій долгимъ богатырскимъ сномъ, проснулся, сталъ на ноги и зашагалъ богатырскими шагами догонять Европу. Но таковъ ужъ порядокъ вещей на землѣ, что какъ нѣтъ худа безъ добра, такъ равно нѣтъ и добра безъ худа. Рядомъ съ истиной идутъ заблужденія. Русскій народъ не избѣгъ общей участи. Въсѣтъ съ наукой у Европы, онъ долженъ былъ принять много такое, что ему не только не было нужно, но даже и вредно. Рядомъ съ наукой и, пожалуй, еще преждеея, а во всякомъ случаѣ скорѣе, проникло въ Россію то великолѣпіе евро-

(*) Душепол. Чтеніе. 1899 г. 5, стр. 186—187. Сравни отзвѣтъ о русскихъ діаконѣ Павла Алепскаго, путешествовавшаго по Россіи въ то же время въ свѣтъ Антіохійскаго патріарха Макарія. Діаконъ восторгается русскими на каждой страницѣ своего путешествія.

пейское, о которомъ говорятъ И. П. Грегори въ вышеприведенныхъ нами словахъ, т. е. тотъ внѣшній, односторонній пустой европеизмъ, который ничего почти общаго не имѣеть съ наукой и даже вреденъ ей и которому нѣмецкій пасторъ, подобно многимъ другимъ своимъ соотечественникамъ, предпочель простую, но содержательную дикость народа русскаго. Этотъ внѣшній европеизмъ, т. е. комфортъ, роскошь, свѣтскій лоскъ и т. п., составляетъ почти все содержаніе жизни тѣхъ слоевъ русскаго народа, которые первыми должны были учиться у европейцевъ. Гоняясь за этимъ внѣшнимъ европеизмомъ, они упустили самую суть европейской цивилизаціи—науку, а главное—не могли понять той истины, которая въ это время на Западѣ была почти азбучной, что каждый народъ долженъ быть прежде всего самимъ собою, если хочетъ что нибудь значить и что либо принести въ общую сумму человѣческаго прогресса. Да, гуманизмъ въ это время процвѣталъ въ Европѣ широко, но чѣмъ болѣе онъ процвѣталъ, тѣмъ ярче выступало начало народности. А образованные высшіе классы русскаго народа, увлеченные европейскимъ „великолѣпіемъ“, старались превзойти въ европеизмѣ самихъ европейцевъ. Простому, спасительному православію стали предпочитать пышное католичество или вольнолюбивое протестантство, а чаще всего, какъ и естественно ожидать отъ людей, презрѣвшихъ вѣру отцовъ, утратили всякую религіозность, какъ бы нѣчто ненужное. Русскихъ, получившихъ серьезное европейское образованіе и не утратившихъ основныхъ свойствъ своей народности, каковы Ломоносовъ и Татищевъ, можно перечесть. Большинство же очень рано, еще въ первые полвѣка, совершенно почти утратило связь съ своей народностью. Многие дворяне, напр., даже и не жили въ Россіи, а все время проводили за границей. Даже главнѣйшее начало народной русскаго жизни—самодержавіе—и то подвергалось опасности искаженія.

Ко времени выступленія на литературное поприще Пушкина направленіе, принятое высшимъ классомъ русскаго народа, уже внушаетъ правительству серьезное опасеніе. Тогдашній министръ народн. просвѣщенія гр. Разумовскій въ докладѣ своемъ

отъ 25 марта 1811 года писать: „Дворянство, подпора государства, возрастаетъ рѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстію занятыхъ, презирающихъ все неиностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаний... Всѣ почти пансіоны въ имперіи содержатся иностранцами, которые рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушась имъ, не имѣя привязанности къ странѣ, для нихъ чуждой, они юнымъ россиянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россиянь образуютъ иностранца“. Такъ говоритъ министръ нар. просвѣщенія! Но этого мало. Изъ записокъ Вигеля мы видимъ, что не только французскіе пансіоны, но даже и іезуитская коллегія стала учебнымъ заведеніемъ, куда отдавалось молодое поволеніе лучшаго общества. Княгиня Юсупова одна изъ первыхъ отдала своего сына въ іезуитскую коллегію, поддерживала ее деньгами и убѣдила сестру свою кн. Голицыну отдать и своихъ дѣтей туда же. Въ этой коллегіи, по словамъ Васильчикова, юные представители древнихъ русскихъ родовъ молились по-латини, по-латини же читали и Евангеліе, учились по латинскому катихизису закону Божію и во время латинской мессы прислуживали священподѣйствующимъ патерамъ. Такой-то характеръ приняло образованіе вышнихъ классовъ русскаго народа въ первой четверти истекающаго столѣтія.

Конечно, со временемъ иностранные учителя—невѣжды перевелись; къ образованію дворянъ стали предъявляться болѣе высокія требованія, чѣмъ какимъ удовлетворяли французскіе пансіоны; но тяготѣніе ко всему иностранному, предпочтеніе его всему родному русскому осталось въ русскомъ обществѣ и доселѣ, и съ теченіемъ времени, все глубже и шире проникая въ общество, образовало въ немъ особое направленіе—западническое, которое давало и даетъ себя чувствовать еще и теперь и въ литературѣ, и въ критикѣ, и почти во всѣхъ сторонахъ общественной жизни. Русскіе люди этого направленія, не довѣряя силамъ и способностямъ русскаго народа, мечтаютъ устроить

его жизнь по образцамъ жизни европейскихъ народовъ, хотя бы для этого необходимо было „уничтожить самый русский народъ“, т. е. его народность, или въковыя его начала и устой *).

Нужно ли говорить о томъ, что такое направление, усвоенное высшими классами съ того самаго времени, какъ проникла къ намъ европейская наука, сдѣлала ихъ чужими для остальной народной массы, и эта масса, народъ въ тѣсномъ смыслѣ, перестала считать ихъ своими старшими братьями и не хотѣла, да и не могла принимать отъ нихъ самую науку. Народъ очень хорошо понимаетъ пользу и необходимость науки, онъ знаетъ, что „красна птица перьемъ, а человекъ ученьемъ“, что „наука—свѣтъ, а неученье—тьма“. Онъ даже и на дѣлѣ доказалъ свое сочувствіе наукѣ: Ломоносовъ и Посошковъ—это живыя олицетворенія народнаго сочувствія наукѣ; въ 1800—1812 гг., когда вопросъ о народномъ образованіи въ Россіи получилъ небывалое оживленіе, даже крестьяне приносили свои пожертвованія на устройство училищъ и университетовъ. Но народъ снраведливо полагалъ, что наука не помѣшаетъ ему быть самимъ собою, и не хотѣла такой науки, которая у него требовала отреченія отъ началъ, въ какія онъ вѣрилъ доселѣ, какими онъ былъ живъ и крѣпокъ цѣлѣмъ вѣка. Такъ нарушились цѣлостъ и единство русскаго народа. Между образованными классами и остальною его массою установились или непониманіе, или недобровѣріе. И эти отношенія вредно отразились на развитіи цѣлаго народнаго организма. Они, именно, тормозили дѣло развитія народнаго образованія, препятствуя ему проникать въглубь народа, и народная масса цѣлѣмъ два вѣка коснется въ дореформенномъ невѣжествѣ.

А между тѣмъ высшіе классы, съ ихъ презрѣніемъ ко всему народному, русскому и тяготѣніемъ ко всему иностранному, являясь какъ бы оторванными отъ цѣлаго народнаго организма, дали особый родъ русскихъ людей—безпочвенныхъ, какъ ихъ называютъ, и потому обреченныхъ на бесплодность своего существованія.

*) Достоевскій, „Дневникъ писателя“. Изд. Маркса 1887 г. т. 19, стр. 450.

Иначе и быть не могло. Дерево, котораго корень обнаженъ отъ почвы, хотя, при благоприятныхъ условіяхъ, можетъ давать и листву и даже цвѣсти, но плодовъ не даетъ, и гибель его рано или поздно неизбѣжна. Мы увидимъ въ послѣдствіи типы такихъ русскихъ людей, созданные нашей литературой, которые отличаются большими дарованіями и даже большою образованностью.

Таковъ недугъ нашей общественной жизни, привитый къ ней съ переходомъ къ намъ европейской науки и цивилизаци. И первое полное и всестороннее уясненіе этого недуга составляетъ несомнѣнную заслугу Пушкина предъ потомствомъ, и эта заслуга должна дѣлать имя его незабвеннымъ для каждаго истинно-русскаго человѣка. Говоримъ— „уясненіе“, а не „указаніе“, чтобы не смѣшивать заслугу Пушкина съ заслугами его предшественниковъ.

Дѣло въ томъ, что зло это указывали далеко раньше Пушкина. Наша литература, никогда не терявшая своей связи съ общественной жизнью, сразу подмѣтила его. Уже Кантемиръ даетъ намъ довольно ясное понятіе о немъ, представивъ въ типахъ гуляки Луки и франта Медора пустой, внѣшній европеизмъ. Ломоносовъ, этотъ сынъ простонародья, получившій отличное европейское образованіе, призываетъ русскихъ быть русскими Платонами и Ньютонами. Фонъ-Визинъ въ лицѣ бригадирскаго сына Иванушки осмѣиваетъ офранцузившихся русскихъ людей, которые только по тѣлу принадлежатъ Россіи, а по духу всецѣло принадлежатъ Франціи. Карамзинъ взываетъ къ патриотизму русскихъ и убѣждаетъ ихъ не стыдиться себя: „станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно свое имя и повторимъ его съ благодарною гордостью“. Еще яснѣе высказался Грибѣдовъ въ своей комедіи „Горе отъ ума“. Осмѣивая пустой блескъ ложнаго европеизма, смѣшаннаго съ русской халатностью, онъ горячо ратуетъ противъ тиранніи иностранщины въ слѣдующемъ монолѳгѣ Чацкаго:

Я одалъ возсылалъ желанья

Смирненнымъ, однако вслухъ,

Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ

Пустого, рабскаго, слѣпонаго подражанья.

Чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ нибудь съ душой,

Кто могъ бы словомъ и примѣромъ

Насъ удержать, какъ вѣрною возжей,

Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.

Пускай меня ославять старовѣромъ,—

Но хуже для меня нашъ сѣверъ во сто кратъ,

Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ—

И нравы, и языкъ, и старину святую,

И величавую одежду на другую,

По шутовскому образцу:

Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ—

Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;

Движенья связаны, и не краса лицу...

Ахъ, если рождены все перенимать,—

Хоть у китайцевъ бы нѣсколько занять

Премудраго у нихъ незнанья ивземцевъ!

Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,

Чтобъ добрый, умный нашъ народъ,

Хотя по языку, насъ не считалъ за нѣмцевъ?

Еще яснѣе высказался баснописецъ Крыловъ. Особенное вниманіе онъ обращаетъ на воспитаніе, прививавшее русскому юношеству такіе нелѣпыя взгляды на все иностранное. Въ баснѣ „Червонецъ“ онъ относительно народнаго образованія выразился ясно и рѣшительно:

Полезно ль просвѣщеніе?

Полезно, слова нѣтъ о томъ;

Но просвѣщеніемъ зовемъ

Мы часто роскоши прельщенье

И даже нравовъ развращенье;

Такъ надобно гораздо разбирать,

Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,

Чтобы съ пей и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять

Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,

Не разлучить ихъ съ простотой

И, давши только блескъ пустой,
Бездѣля въ навѣчь имъ вмѣсто славы.

Такимъ образомъ, и до Пушкина недугъ русской общественной жизни уже чувствовался лучшими русскими людьми, и многіе изъ русскихъ писателей указывали на него. Но эти указанія не были полнымъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ зла, — тѣмъ, что называется полнымъ и обстоятельнымъ діагнозомъ опытнаго врача, изслѣдующаго болѣзнь; главное же, — эти указанія были отвлеченны и, по своей отвлеченности, не могли быть убѣдительными. Недугъ нашей общественной жизни дождался первокласснаго поэта, который бы съ помощью присущей ему зоркой наблюдательности опредѣлил его сущность и показалъ бы эту сущность въ живомъ, художественномъ образѣ. Сила художественнаго образа и впечатлѣніе, производимое имъ на общество, дѣйствуютъ неотразимѣ всякихъ отвлеченныхъ доводовъ, сильнѣе даже страха предъ карою законовъ. Исторія литературы свидѣтельствуетъ, что часто поэтъ-художникъ однимъ своимъ произведеніемъ достигаетъ того, чего не могли достигнуть самыя строгія мѣры правительства.

Пушкинъ и былъ именно такой поэтъ-художникъ. Онъ первый далъ намъ художественный и въ то же время глубоко-вѣрный и жизненный типъ русскаго человѣка, иностраннымъ воспитаніемъ оторваннаго отъ родной почвы, не вѣрющаго въ нее и презирающаго ее, потому не находящаго въ ней дѣятельности, оттого скучающаго и искренно страдающаго. Такимъ образомъ онъ не только далъ полное и ясное опредѣленіе сущности главнаго недуга нашей общественной жизни, но и показалъ послѣдствія его. „Ему“, говоритъ Достоевскій, — „честь и слава, — его громадному уму и генію, отмѣтившему самую болѣзную язву составившагося у насъ послѣ Петровской реформы общества“. Типъ, въ которомъ Пушкинъ показалъ намъ эту болѣзнь, есть типъ Евгенія Онегина въ романѣ того же названія.

Евгеній Онегинъ является представителемъ нашей дворянской молодежи первой четверти нашего столѣтія. По своему общественному положенію, богатству, природнымъ способностямъ,

онъ могъ бы быть широкимъ общественнымъ дѣятелемъ. Но онъ не воспользовался тѣми средствами, какими надѣлила его природа и положеніе. Важнѣйшая тому причина заключалась въ воспитаніи—иностранномъ, пустомъ и поверхностномъ. Ни madame, которая за нимъ ходила, ни monsieur l'Abbe, французъ убогій, не могли дать ему ни обстоятельныхъ научныхъ познаній, ни твердыхъ нравственныхъ правилъ. Обязанности его, какъ чело-вѣка, гражданина, помѣщика и т. п., были ему совсѣмъ не знакомы. Понятій объ отечествѣ, о людяхъ, съ которыми ему придется жить и дѣйствовать, тоже ему не дали. Зная всего по немногу, онъ особенно наученъ былъ свѣтскому лоску: въ совершенствѣ изъяснялся по-французски и писалъ, легко мазурку танцевалъ и кланялся непринужденно, да еще умѣлъ проявлять пріятное свѣтское остроуміе, граничащее съ пустословіемъ. И когда онъ явился въ свѣтъ (а явился онъ тогда, когда только что минуло его дѣтство) съ такимъ запасомъ знаній, то „свѣтъ рѣшилъ, что онъ уменъ и очень милъ“, и самыя строгіе судьи признали, что онъ—„ученый малый“. При такой поверхностной воспитательной подготовкѣ, Онѣгинъ, разумѣется, не могъ правильно глядѣть на дѣйствительную жизнь, не могъ понять, что эта жизнь для чело-вѣка есть поприще разнообразныхъ трудовъ и обязанностей—семейныхъ, нравственныхъ, общественныхъ, государственныхъ. И въ началѣ, и въ концѣ романа онъ смотритъ на жизнь, какъ на предметъ наслажденій и разнаго рода развлеченій. И вотъ онъ жадно бросается въ омутъ свѣтской жизни, полной обманчиваго блеска и, какъ всегда бываетъ съ людьми, отъ природы не пустыми, скоро наживаетъ себѣ пресыщеніе, скуку, разочарованіе, хандру бездѣлья. Ни одно изъ предпріятій для выхода изъ этого состоянія—ни чтеніе книгъ, ни литература, ни хозяйство—не удается ему по той простой причинѣ, что все это требовало или подготовки и опыта, или усидчиваго труда, а ни того, ни другого не оказалось. И съ такимъ существомъ сталкивается Татьяна, дѣвушка, тоже принадлежащая къ дворянской семьѣ, но „русская душой“. Ея воспитаніемъ совсѣмъ не занимались, она сама воспиталась въ условіяхъ чисто русскаго

стариннаго быта, которыми сопровождалась ея жизнь въ семействѣ. Природа надѣлила ее глубокимъ чувствомъ и серьезностью; она задумчива, печальна, молчалива; любитъ русскую природу, русскіе нравы и обычаи. Нѣсколько книжонокъ, купленныхъ у разносчика, прочитанныхъ ею, еще болѣе усиливаютъ ея природную мечтательность. Увидѣвъ Онѣгина, она вообразила его героемъ, совсѣмъ непохожимъ на тѣхъ, кого доселѣ видѣла, и глубоко полюбила его. Простая, искренняя сердцемъ, чуждая условныхъ свѣтскихъ приличій, она пишетъ ему письмо съ признаніемъ въ своемъ чувствѣ. Но гдѣ же было ему понять и оцѣнить это простое, искреннее чувство? Вѣдь его никто не училъ понимать и цѣнить людей, чтобы онъ могъ понять и оцѣнить значеніе для себя этой простой, но глубокой, нѣжной и серьезной русской души, а самъ онъ доселѣ цѣнилъ людей только по мѣрѣ блеска, которыми они окружались. Съ обиднымъ наставленіемъ онъ отвергъ чувство Татьяны, отвергъ—

Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліанья.

Его отвѣтъ звучитъ повидимому искренностью; онъ увѣряетъ, что глубоко съ своей стороны цѣнить ее лично, и—

Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
(онъ) ограничить захотѣлъ, —

то вѣрно, кромѣ ея одной, „невѣсты не искалъ иной“. Но, судя по тому, чѣмъ кончается романъ, можно думать, что онъ, самъ того не зная, говорилъ не то, что было въ его душѣ. Не та причина заставляла его такъ поступить съ Татьяной, что „онъ не созданъ для блаженства“ семейной жизни; а та, что самая обстановка-то, среди которой явилась ему Татьяна, и сама-то она не представляла для него ничего такого, что для него имѣло доселѣ цѣну. Иное дѣло, когда въ концѣ романа онъ увидѣлъ ее въ знакомой ему обстановкѣ великосвѣтскаго общества, пышной, придворной дамой, окруженной блескомъ и поклонниками, тогда заговорило въ немъ чувство,—но не чувство любви, а тщеславія,—желаніе овладѣть тѣмъ, что всѣми считалось недоступнымъ, обладаніе чѣмъ могло, по выраженію самой Татья-

ны, доставить ему „соблазнительную честь“. Татьяна хорошо поняла это и видѣла, что увѣренія Опыгина въ любви — если не ложь, то самообольщеніе, а главное — она поняла, что его любовь, если бы она и была, въ такомъ человѣкѣ есть явленіе минутное, капризь, и потому она не принесетъ ей счастья, замѣнь той тяжелой жертвы, которой онъ отъ нея требовалъ. Она была ужь близка къ истинѣ и тогда еще, когда, въ его отсутствіе, разсматривала въ кабинетѣ его барскаго дома въ деревнѣ книги, которыя онъ читалъ, и отмѣтки, какія онъ въ нихъ дѣлалъ; ей и тогда ужь приходили на умъ вѣрныя предположенія:

Чудакъ печальный и опасный

Созданье ада иль небесъ,

Сей ангель, сей надменный бѣсъ,

Что-жь онъ? Ужели подражанье,

Ничтожный призракъ, иль еще

Москвичъ въ Герольдовомъ плащѣ,

Чужихъ причудъ истолкованье,

Словъ модныхъ полный лексиконъ?..

Ужь не пародія ли онъ?

Она догадывалась, что въ немъ не было ни чего самостоятельнаго, что онъ — былинка, вносящаяся по прихоти вѣтра, а не настоящій человѣкъ, дѣйствующій въ силу свободы и разума. Можно ли ожидать счастья отъ этого человѣка? Какъ можно быть увѣреннымъ, что эту былинку завтра же не унесетъ вѣтромъ въ другую сторону, что этотъ человѣкъ, если она пойдетъ за нимъ, завтра же не разочаруется въ ней и не взглянетъ на свою любовь насмѣшливо, какъ на увлеченіе? Потому-то Татьяна, не смотря на то, что продолжала любить его, не пошла за нимъ; она сказала ему:

Я васъ люблю (къ чему лукавить?).

Но я другому отдана,

И буду вѣкъ ему вѣрна.

А потомъ что? Потомъ, „послѣ бури ощущеній“, вызванныхъ въ его душѣ этимъ отвѣтомъ, снова призрачное безцѣльное горькое

существованіе, исполненное тоски, безъ надежды на выходъ
Такова судьба человѣка, порвавшаго связь съ родною почвою.

Что въ такой судьбѣ играетъ главную роль не одна поверхность образованія, а именно воспитаніе, лишенное связи съ народными началами, Пушкинъ показалъ это на другомъ, второстепенномъ въ романѣ, лицѣ—Ленскомъ. Пушкинъ называетъ Ленскаго и Онѣгина противоположностью, но эта противоположность небольшая: ихъ роднить одинаковое по характеру, хотя и различное по степени образованіе—иностранное. Несомнѣнно, Ленскій получилъ образованіе выше, чѣмъ Онѣгинъ. Онъ учился въ нѣмецкомъ университетѣ; онъ поклонникъ философіи Канта, читалъ нѣмецкихъ поэтовъ Шиллера и Гете; поэтому и въ области мышленія онъ далеко превосходитъ Онѣгина. У него высокія стремленія: „негодование, сожалѣнье, ко благу чистая любовь въ немъ рано волновали кровь“; „цѣль жизни для него была заманчивой загадкой, надъ ней онъ голову ломалъ и чудеса подозрѣвалъ“. Но образованіе его также было беспочвенное, также поставило его въ разладъ съ основными началами русской жизни, которыя ему совершенно незнакомы. „Плоды учености“, привезенные имъ изъ „Германіи туманной“, были: „вольнлюбивыя мечты, духъ пылкій и довольно странный“. Поэтому и ученость его нейдетъ въ своемъ обнаруженіи дальше словъ. Въ дѣйствительной жизни, въ которой онъ оставленъ своимъ положеніемъ, онъ участія не принимаетъ. Много у него было бесѣдъ съ Онѣгинымъ объ историческихъ вопросахъ, о плодѣ наукъ, о добрѣ и злѣ, о предразсудкахъ вѣковыхъ, о тайнахъ гроба роковыхъ; но сомнительно, чтобы изъ этихъ бесѣдъ вышла какая-нибудь польза для обоихъ. Онъ поэтъ, но и поэзія его какая-то неопредѣленная, безпредметная: „онъ плѣлъ разлуку и печаль, и плѣтъ и туману даль“. Пушкинъ не хотѣлъ показать намъ судьбы этого даровитаго юноши, заставляя его почти на зарѣ сознательной жизни погибнуть жертвой свѣтскаго предразсудка; но онъ дѣлаетъ два предположенія о томъ, что могло ожидать его въ дальнѣйшей жизни:

Быть можетъ, онъ для блага міра,

Иль, хоть для славы былъ рожденъ;

Его умолкнувшая лира

Гремучій непрерывный звонъ;

Въ вѣвахъ поднять могла, —

это въ томъ случаѣ, если бы онъ, подобно самому Пушкину, страхнулъ съ себя чуждыя оковы и таланты свои связалъ съ народностью, — или могло быть —

и то: поэта

Обыкновенный ждалъ удѣлъ.

Прошли бы юности лѣта,

Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ,

Во многомъ онъ бы измѣнился,

Разстался бъ съ музами, женился

Носилъ бы стеганный халатъ;

Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,

подагру въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,

Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ;

И, наконецъ, въ своей постели

Скончался бъ посреди дѣтей,

Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

Т. е. провлачилъ бы самое пустое, будничное существованіе.

Судьба Онѣгина и Ленскаго впрочемъ еще лучшій исходъ беспочвенности, по крайней мѣрѣ въ общественномъ смыслѣ. Иное дѣло, когда она соединяется съ порочностью сердца, съ отсутствіемъ честности: тогда беспочвенникъ является бичемъ общества, — лицомъ, прямо вреднымъ для общественныхъ интересовъ. Таковъ Швабринъ въ „Капитанской дочкѣ“ человекъ умный, по отзыву Марьи Ивановны, читающій французскія книжки, посланный изъ гвардіи за поединокъ. Онъ, вмѣсто того, чтобы сражаться противъ Пугачева въ рядахъ царскаго войска, какъ требовали долгъ и присяга, изъ-за личныхъ интересовъ, самъ становится въ ряды бунтовщика.

Болѣзненное явленіе русской общественной жизни, такъ ясно опредѣленное Пушкинымъ и такъ отчетливо и выпукло

позображенное имъ въ Евгеніи Онѣгинѣ и другихъ типахъ, настолько серьезно, что оно уже не могло не сдѣлаться предметомъ настойчиваго обсуждения и изслѣдованія. Вотъ чѣмъ объясняется то обстоятельство, что вся послѣдующая литература, почти вплоть до нашихъ дней, съ особой настойчивостью повторяетъ этотъ типъ въ самыхъ разнообразныхъ его измѣненіяхъ. Гончаровъ говоритъ, что Пушкинъ, какъ великій мастеръ, далъ намъ вѣчные образцы, по которымъ мы и учимся писать безсознательно, какъ живописцы по античнымъ статуямъ. И дѣйствительно, Печоринъ Лермонтова, Чичиковъ Гоголя, Рудинъ, Лаврецкій, Базаровъ Тургенева, Волконскій Толстого и др., — все это Онѣгины, все это русскіе люди, оторванные отъ родной почвы, порвавшіе свою связь съ родными началами жизни и потому погибшіе для родины. Въ литературѣ они становятся въ разнообразныя положенія; многіе изъ нихъ надѣлены прекрасными дарованіями, имѣютъ большой запасъ знаній, но они бесплодно гибнутъ, не принося ничего своему отечеству; вся дѣятельность ихъ состоитъ только или въ умныхъ рѣчахъ, или въ безплодныхъ начинаніяхъ и порываніяхъ къ чему-то, къ какому-то дѣлу, болѣею частію и для нихъ самихъ не ясному.

И до сего дня не умеръ этотъ типъ русскихъ людей. Его характеристика сквозитъ, напр., въ шатаніи и волненіяхъ современнаго учащагося юношества, о большей части котораго надобно сказать, что его волнуютъ „негодование, сожалѣнье, ко благу чистая любовь“, но большая часть котораго въ то же время несомнѣнно представляетъ собою „подражанье“, „чужихъ причудъ истолкованіе, словъ модныхъ полный лексиконъ“.

Указавъ образованному обществу зло нашей общественной жизни, Пушкинъ указалъ также и средство для его устранения. „Смирись, покорствуй русской силѣ“ *) — вотъ что говоритъ Пушкинъ каждому образованному челоѣку. Въ раскрытіи этой русской силы и мощи состоитъ другая безсмертная заслуга Пушкина передъ потомствомъ. Онъ показалъ, что русский народъ недаромъ прожилъ почти тысячу лѣтъ, что въ нравственно-бытовой его жизни есть добрыя начала, на основаніи которыхъ онъ можетъ

*) „Русланъ и Людмила“.

не только существовать, но и развиваться, что эти начала крѣпче тѣхъ, которыя занесены къ намъ изъ Европы, крѣпче именно тѣмъ, что они выработались своеобразнымъ складомъ и исторіей жизни, а не есть произведение борьбы разныхъ теорій, какъ въ Европѣ.

Въ исторіи русскаго народа Пушкинъ по преимуществу показываетъ намъ типы русскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духовной красоты — народа. Въ его историческомъ романѣ „Капитанская дочка“ выводится цѣлая семья русскихъ людей: самъ капитанъ Бѣлогореккой крѣпости Иванъ Кузьмичъ Мироновъ, его жена Василиса Егоровна, его дочь Марья Ивановна, да встаетъ и инвалидъ-офицеръ Иванъ Игнатьичъ. Вотъ они все вмѣстѣ, въ минуту серьезной опасности для крѣпости отъ Пугачева, окружившаго ее своею многочисленною шайкою. На предложеніе Ивана Кузьмича отправиться или въ Оренбургъ, или въ другую, болѣе надежную крѣпость:

— Добро, сказала комендантша: такъ и быть, отправлю „Машу. А меня и во снѣ не проси — не поѣду; нечего мнѣ „подъ старость разставаться съ тобой да искать — одинокой „могилы на чужой сторонѣ. Вмѣстѣ жить — вмѣстѣ и умереть. Вотъ Пугачевъ ужъ подъ стѣнами крѣпости. Василиса Егоровна съ Марьей Ивановной тутъ же. Василиса Егоровна обратилась къ мужу и сказала:

— Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: „благослови Машу. Маша, подойди къ отцу.

„Маша блѣдная, и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, „стала на колѣни и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды, потомъ поднявъ и, поцѣловавъ, „сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:

— Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу, Онъ тебя „не оставитъ. Коли найдется добрый человекъ, дай вамъ Богъ „любовь да совѣтъ. Живите, какъ мы жили — съ Василисой „Егоровной. Ну, прощай, Маша...

„Маша кинулась ему на шею и зарыдала. — Поцѣлуемся жъ и мы, сказала комендантша. Прощай,

мой Иванъ Кузьмичъ. Опуститъ мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ когда досадила. Сколько въ этой короткой сценѣ высказалось нравственной силы и красоты духовной! Вотъ гдѣ особенно познается крѣпость тѣхъ началъ, которыя вѣками выработаны русскимъ народомъ. Именно поэтому, что эти начала выработаны вѣками самой жизнью, здѣсь, при встрѣчѣ съ неожиданной опасностью, все дѣлается просто, безъ всякихъ эффектовъ, — все происходитъ, какъ по писанному, по издавна и установившемуся порядку, все мнѣ известно. Василиса Егоровна знаетъ, что въ опасности мужа оставлять нельзя, что съ нимъ надобно умереть вмѣстѣ; она знаетъ, что Машу нужно благословить, а Маша ужъ знаетъ, какъ это дѣлается и, не дожидаясь наставленій, падаетъ на колѣни, кланяется отцу въ землю. Такъ же просто они и умираютъ, когда этого требуетъ долгъ.

— Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю, сказалъ Пугачевъ капитану Миронову, когда его подвели къ самозванцу.

— Ты, мнѣ не государь, ты воръ и самозванецъ, слышь ты, отвѣтилъ капитанъ.

Тоже самое повторилъ и Иванъ Игнатьичъ. И оба были повѣшены. Но въ этой-то простотѣ и заключается все величіе ихъ подвига: совершать подвигъ и не считать его подвигомъ, смиренно отрицать его величіе — для этого требуется много нравственной силы. Не та ли же нравственная сила и величіе выражены и въ отвѣтъ Татьяны Онѣгину:

Я другому отдана, а не тебѣ, и не въ твою волю, а въ волю моего отца. И буду вѣкъ ему вѣрна.

Она отдана, а не отдалась; она слезами матери убѣждена выйти за мужа за человѣка, котораго не любила и къ которому не питаетъ другихъ чувствъ, кромѣ уваженія; но она знаетъ, что этотъ человѣкъ — ей мужъ, который ее любитъ, ей слѣпо вѣрить, ею гордится, что измѣна ему убьетъ его, и вотъ она, принося въ жертву долгу чувство сердца, остается вѣрною долгу, потому что не хочетъ счастья, построеннаго на несчастіи другого.

Много образовъ духовной красоты и нравственной силы русскаго человѣка разбѣяно вообще въ поэзіи Пушкина и этими образами онъ привлекаетъ европейски-настроенное современное русское общество къ сочувствію родному быту. Образы няни Татьяниной, дядьки Савельича, старика Гринёва, юной Ксеніи, дочери Бориса Годунова, въ особенности симпатичнѣйшій образъ инока-лѣтописца—кого не плѣняютъ эти образы? Пушкинъ умѣлъ находить плѣнительное въ русскихъ нравахъ даже тамъ, гдѣ красота народнаго духа лежитъ подъ большими наслоеніями порока и преступленій. Извѣстно, сколько сочувственнаго онъ находитъ въ Борисѣ Годуновѣ—этомъ царѣ, запятнавшемъ себя такимъ злодѣйствомъ: онъ хвалитъ и его „державный умъ“ и его нѣжныя родительскія чувства, и его любовь къ наукѣ. Даже въ самозванцѣ Пугачевѣ имъ указаны черты, не лишенныя нѣкоторой доли благородства. Но особенно величественнымъ у него становится русскій человѣкъ тогда, когда онъ соединяетъ въ себѣ черты коренной русской народности съ истинно-европейскимъ просвѣщеніемъ. Таковъ величавый образъ Петра Великаго, котораго Пушкинъ особенно любилъ и который у него весь пронизанъ любовью къ наукѣ въ связи съ пользою и славою отечества; таковы и его дружины, соединившія въ себѣ и русскую храбрость и самоотверженіе, и преданность царю и отечеству, и вмѣстѣ воинское искусство, отлично усвоенное ими у европейцевъ.

Вращаясь въ кругу явленій нравственно-бытовой жизни, Пушкинъ менѣе сдѣлалъ для раскрытія и проведенія въ сознаніе общества главнѣйшаго народнаго начала—православія или религіозности вообще. Мы не послѣдуемъ за тѣми панигиристами Пушкина, которые выписываютъ чуть ли не каждую строку изъ его сочиненій, гдѣ говорится о религіи или о Богѣ, но мы не скажемъ и того, что онъ былъ невѣръ или даже нигилистъ, какъ говорили о немъ раньше, приписывая даже цѣлое изданіе кощунственныхъ стихотвореній. Все дѣло ограничивается лишь тѣмъ, что въ первую половину своей литературной дѣятельности Пушкинъ напечаталъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ замѣчено лег-

комысленное отношеніе къ священнымъ предметамъ религіи. Но это объясняется тѣмъ, что онъ былъ сынъ своего времени и среды, въ которой онъ вращался и въ которой оскорбленіе достоинства религіозныхъ предметовъ считалось менѣе преступнымъ, чѣмъ оскорбленіе достоинства человѣческаго. Иначе, чѣмъ же объяснить появленіе этихъ сочиненій въ печати, при тогдашней строгости цензуры? Многое сказано Пушкинымъ въ этихъ сочиненіяхъ, но легкомыслію, въ угоду средѣ. Самъ онъ сознается въ томъ, что онъ

• • • трезвый, межъ друзьями

Бывало пѣлъ вино, водяными стихами, — т. е. не будучи такъ пороченъ внутренно, въ угоду друзьямъ, казался сочувствующимъ испорченности; и потому справедливо выразился въ эпитафii, которую написалъ себѣ въ 1815 году:

Здѣсь Пушкинъ погребенъ; онъ съ музой молодой,

Съ любовью, лѣнностью провелъ веселый вѣкъ,

Не дѣлалъ добраго, однакожь былъ душою

Ей-Богу добрый человѣкъ.

Воспитанный несомнѣнно въ правилахъ религіи, развращенный потомъ свѣтскою средою, Пушкинъ публично кается въ своемъ легкомысліи. Въ 1830 г. онъ пишетъ: „Началъ я писать съ тринадцатилѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое я желалъ бы уничтожить, какъ недостойное моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣеть, какъ упрекъ на моей совѣсти“. Онъ жалѣеть, что его „элегіи писаны противъ религіи“²⁾. Съ женитьбою его совпадаетъ его возвращеніе къ религіознымъ началамъ. Письма его къ женѣ кончаются выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: „цѣлую и вресчу“; „благословляю“; „Господь васъ благослови“; „Христосъ васъ храни“. Въ письмѣ къ женѣ отъ 14 іюня 1834 г. онъ спрашиваетъ: „всякій ли день ты молишься, стоя въ углу?“ Умеръ онъ, напутствованный тайнами покаянія и причащенія.

Тѣмъ не менѣе сочиненій съ религіозными мотивами у него мало, если не считать тѣхъ сочиненій, въ которыхъ эти мо-

*) Сочиненія Пушкина, изданія Суворина, т. 8, стр. 152.

тивы входятъ какъ изображеніе обрядовъ въ народномъ быту, какъ, напр., при описаніи казни Кочубея, при описаніи кончины Бориса Годунова и т. п. Но эти изображенія, при ихъ объективности, всегда почти кратки. Стихотворенія: „Безвѣріе“, „Молитва“, „Пророкъ“ — вотъ почти все цѣнное, что Пушкинъ написалъ для проведенія въ сознаніе общества религіозныхъ истинъ. Но если можно желать, то нельзя требовать отъ свѣтскаго писателя большихъ заслугъ для церкви. За эти заслуги намъ есть кого вспоминать, помимо Пушкина. У насъ есть Платоны, Филареты, Иннокентіи. И чья же вина, что мы не чествуемъ память ихъ такъ, какъ чествуетъ свѣтъ своихъ дѣятелей? О Пушкинѣ же мы должны сказать, что онъ вращался въ кругу понятій и предметовъ, очень близкихъ къ религіи, — предметовъ нравственныхъ, а къ религіознымъ и церковнымъ вопросамъ не относился безучастно и, будучи мало знакомъ съ ними, какъ и всякій свѣтскій человѣкъ, ограничивался пока только своими наблюденіями и размышленіями. Никогда, даже въ самые ранніе годы литературной дѣятельности, онъ не утрачивалъ интереса къ религіознымъ истинамъ и вопросамъ. Совѣсть и природа всегда, даже въ періоды особаго усиленія вольнодумства, говорили ему о Богѣ; но, кромѣ того, онъ искалъ Его и въ книгѣ, въ которой онъ нашелъ „Пророка“, — и кажется, „за Пророка, говоритъ онъ, — можно бы отпустить мнѣ мой грѣхъ“. Глинка разъ засталъ его съ Евангеліемъ въ рукахъ, — книгой, въ которой, говоритъ Пушкинъ, все есть.

Почти всю жизнь свою находясь въ тяжкомъ состояніи душевной борьбы, подъ вліяніемъ тяжелыхъ внутреннихъ и внѣшнихъ положеній, Пушкинъ былъ внимателенъ ко всякому голосу, въ которомъ слышалъ ободреніе и вразумленіе себя. Онъ внимательно прислушивался къ проповѣдямъ митроп. Филарета, а когда послѣдній отвѣтилъ извѣстнымъ стихотвореніемъ на его элегію: „Даръ напрасный, даръ случайный...“ вылившуюся, очевидно, изъ крайне мрачно настроеннаго сердца, тогда онъ написалъ святителю Московскому слѣдующіе благодарные стихи:

Въ часы забавы или празднои скуки,
Бывало, лирѣ я моеи

Вздряль изнѣженные звуки
Безумства лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лиль потоки слезъ неожиданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку прѣстираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палама,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Думы о Богѣ и безсмертіи души переплетались въ немъ съ работой мысли въ области исторіи. Но и въ современной церковно-религіозной жизни занимали его многія явленія. Онъ, напр., крайне сожалѣть о современномъ печальномъ состояніи нашей православной внѣшней миссіи. „Терпимость“, говоритъ онъ, — „вещь очень хорошая; но развѣ апостольство съ ней не совмѣстимо? Развѣ истина дана намъ для того, чтобы скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися въ мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донныѣ свѣта истиннаго³⁾. При появленіи въ свѣтъ „Словаря о святыхъ“ Еристова, сдѣлавъ отзывъ объ этомъ изданіи и предшествующихъ трудахъ въ этой области, Пушкинъ замѣчаетъ: „есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы

*) Путеш. въ Арзерумъ.

и чью память празднуютъ ежегодно“. Обращалъ вниманіе поэтъ и на духовенство. Хвала до-реформенное духовенство, въ современномъ ему духовенствѣ онъ находитъ много недостатковъ, между прочимъ, — его отсталость. Причину этой отсталости онъ видитъ въ томъ, что оно не принадлежитъ къ хорошему обществу *). Дѣйствительно, со временъ реформы Петра духовенство осталось болѣе, чѣмъ въ тѣни, и долгое время на него систематически не обращалось вниманія. Въ 1826 г. въ докладной запискѣ государю о народномъ воспитаніи Пушкинъ обращаетъ вниманіе и на духовныя семинаріи: „преобразование семинарій, разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полного особеннаго разсмотрѣнія“ **). Близко Пушкинъ, наконецъ, подходилъ повидимому и къ идеѣ нашихъ ц.-приходскихъ школъ. Въ 1834 г., говоря о колоннѣ, постановленной гр. Румянцевымъ въ своемъ имѣніи, въ память войны 1812 г., онъ замѣчаетъ: „церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинной надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ“ ***).

Принимая во вниманіе такую разностороннюю наблюдательность и отзывчивость Пушкина къ общественнымъ вопросамъ и явленіямъ, можно быть глубоко убѣжденнымъ, что, если бы святоотечественная и дерзкая рука проходимца — европейца не прекратила такъ рано драгоценной жизни нашего поэта, онъ и въ области религиозно-церковной жизни далъ бы нашей литературѣ какое нибудь поэтическое созданіе, отличающееся такою же правдою, объективностью и красотой, какими отличаются, напр., образъ лѣтописца и большая часть его другихъ созданій. Онъ даже и замышлялъ уже трилогію „Константинополь, Римъ и Иерусалимъ“; ему не доставало для этого только личныхъ, непосредственныхъ впечатлѣній, которыя можно было приобрести только путешествіемъ.

*) Сочинен. Пушкина, изд. Суворина, т. VIII, 518.

**) Тамъ же, т. IX, стр. 195.

***) Тамъ же, т. IX, стр. 53—54.

Впрочемъ затѣмъ высказывать предположенія въ отношеніи къ человѣку, который и безъ того сдѣлалъ немало? „Пушкинъ“, говоритъ покойный высокопреосвящ. митроп. Макарій, — „былъ не только величайшимъ нашимъ поэтомъ, но и поэтомъ нашего народа, какимъ явился онъ, если не во всѣхъ, то въ лучшихъ произведеніяхъ. Онъ отозвался своей чуткой душой на все преданія русской старины и русской исторіи, на все своеобразныя проявленія русской жизни. Онъ глубоко пропитался русскимъ духомъ и все воспринятое имъ отъ русскаго народа претворилъ своимъ гениальнымъ умомъ, воплотилъ и предалъ тому же народу въ сладкозвучныхъ пѣсняхъ своихъ, которыми и услаждалъ соотечественниковъ, и укрѣплялъ въ чувствахъ патріотизма и любви къ своему родному“. Въ утвержденіи этого русскаго духа, въ этой любви къ всему народному онъ указалъ и цѣль, и руководительное начало для всякаго образованнаго общественнаго дѣятеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ и прочное основаніе единенію высшихъ образованныхъ классовъ народа русскаго съ его корнемъ—народною массою. И послѣдующая литература, и направленіе жизни носятъ на себѣ несомнѣнныя слѣды идей Пушкина. Какъ въ литературѣ послѣ Пушкина—у Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Островскаго и др.—только то и хорошо, гдѣ писатели, слѣдуя завѣту Пушкина, соприкасаются съ народностью, такъ и въ жизни общественной замѣтно стремленіе къ объединенію интересовъ жизни, именно, на началахъ народности. Менѣе чѣмъ черезъ четверть вѣка послѣ смерти Пушкина, событія Севастопольской войны обнаружили пустоцвѣтъ того образованія, которое у насъ развилось на пренебреженіи къ началамъ народности. Затѣмъ слѣдуетъ эпоха общественнаго пробужденія, ознаменовавшаяся цѣлымъ рядомъ реформъ. Освобожденіемъ отъ крѣпостного права, о чемъ Пушкинъ мечталъ еще девятнадцатилѣтнимъ юношей, воскрешена была, такъ сказать, личность народа, а земскою, военною и судебною реформами, прежде обезличенный, русскій народъ призванъ къ дѣятельному участию въ общемъ развитіи государственной жизни. Тогда же сильно оживилось и дѣло народнаго образованія. Правда на томъ поприщѣ являлись очень нерѣдко люди, одушевлен-

ные идеалами, противными духу русской народности. Но наступая, наконец, эпоха царствованія въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III, когда русскіе, по характерному выраженію, утвердившемуся въ печати, воротились домой, и народному образованію въ русскомъ духѣ дано прочное основаніе. И съ того времени, когда русскіе воротились домой, когда общественная жизнь наша возвратилась къ началамъ народности, имя русское приобрѣло несравненно большую славу, нежели тогда, когда мы раболѣпствовали предъ Европой. Въ этой Европѣ усерднѣе стали изучать русскій народъ и его жизнь, и серьезнѣе, чѣмъ прежде, явилось стремленіе къ единенію съ нимъ въ томъ, чѣмъ такъ долго пренебрегали сами русскіе, въ угоду европейцамъ, — именно, въ православіи.

И этимъ возвращеніемъ къ началамъ своей народности, и этой славой мы обязаны Пушкину, который могучимъ своимъ литературнымъ гениемъ устремилъ наши сердца и наше сознаніе на путь самостоятельнаго развитія. Въ этомъ отношеніи заслуга Пушкина одинаково важна для всякаго русскаго человѣка, какое бы положеніе онъ ни занималъ въ обществѣ, на какое бы дѣло ни былъ поставленъ.

Поэзія Пушкина, стало быть, есть дѣло общенародное, и слава его — слава русскаго народа. Недаромъ, какъ показываютъ учредители народныхъ чтеній, и простой народъ понимаетъ ее лучше, чѣмъ поэзію другихъ русскихъ писателей, напр., Гоголя. Недаромъ и слава Пушкина упадаетъ или возвышается по мѣрѣ упадка и возвышенія въ обществѣ сознанія народности. Такъ, въ 60-хъ годахъ, въ періодъ господства тенденціозности и западничества въ литературѣ, Пушкинъ былъ почти забытъ, а въ концѣ 70-хъ годовъ въ сердцѣ Россіи — Москвѣ воздвигнуть ему памятникъ.

Вы, юные слушатели мои, будущіе народныя дѣятели по преимуществу! Для васъ больше всего поучителенъ Пушкинъ. Поучителенъ онъ и ошибками своей юности, заставлявшими его глубоко сожалѣть и скорбѣть о нихъ; но главнымъ образомъ поучителенъ онъ содержаніемъ своей поэзіи зрѣлыхъ лѣтъ. Любите русскій народъ такую же любовь, какая выразилась въ

этой поэзии; несите въ него свѣтъ науки, въ которой онъ такъ нуждается, но охраняйте его самобытность отъ всякихъ покушеній на ея искаженіе. Больше же всего храните главное начало этой самобытности—православіе. Съ помощью науки расширьте и усиливаете свѣтъ его въ народъ, да славится этимъ свѣтомъ среди народовъ Русская земля.

Пятидесятилѣтній юбилей служенія въ священномъ санѣ кафедральнаго протоіерея Іоанна Григорьевича Поспѣлова.

Юбилляръ родился 19-го сентября 1821 г. въ небольшомъ селѣ Космийѣ Нерехтскаго у. Костромской епархіи. Отецъ его Григорій Ивановъ былъ священникомъ въ этомъ селѣ, имѣлъ бронзовый наперсный крестъ на Владимірской лентѣ въ память отечественной войны 1812 г. Обучивши дома чтенію по церковно-славянской азбукѣ, Часослову и Псалтири, отецъ въ концѣ сентября 1831 г. отвезъ Іоанна Поспѣлова въ Кострому, для опредѣленія въ первый классъ Костромскаго дух. училища, откуда въ 1838 г. былъ переведенъ въ Костромскую дух. семинарію, которая помѣщалась тогда въ Богоявленскомъ монастырѣ. Такъ какъ отецъ юбиляра скончался въ 1832 г., а мать въ 1833 г., то, какъ круглый сирота, онъ былъ помѣщенъ въ бурсу на полное казенное содержаніе. Риторикѣ въ 1-мъ классѣ семинаріи юбиляръ учился у Н. П. Гусева—до 1839 г. на латинскомъ языкѣ по руководству Бургія, а съ этого года на русскомъ языкѣ по запискамъ учителя. Въ среднемъ отдѣленіи логикѣ и психологіи обучался юбиляръ у И. Я. Веселовскаго, въ послѣдствіи инспектора семинаріи, а въ высшемъ отдѣленіи богословію обучался у о. игумена Іоанна. По окончаніи курса въ семинаріи, студентъ Іоаннъ Поспѣловъ былъ посланъ на казенный счетъ въ Московскую дух. академію и здѣсь слушалъ лекціи: знаменитаго философа о. протоіерея Феодора Александровича Голубинскаго, математика о. протоіерея Петра Спиридоновича Делицына и Егора Васильевича Амфитеатрова, профессора словесности, незабвеннаго въ академіи профессора церковной исторіи Александра Васильевича Горскаго, ректоровъ академіи: архимандритовъ Евсевія, Алексѣя и другихъ. Въ 1848 г. Іоаннъ Поспѣловъ окончилъ курсъ со степенью магистра. Предъ окончаніемъ курса въ академіи выпускные студенты 16-го курса получили приглашеніе отъ Св. Синода поступить во священники

въ Лифляндію, гдѣ незадолго передъ тѣмъ многія тысячи латышей и эстовъ изъ лютеранства перешли въ православіе и гдѣ чувствовалась особая нужда въ образованныхъ священникахъ. Пять студентовъ 16-го курса, въ томъ числѣ и Іоаннъ Поспѣловъ, изъявили желаніе отправиться туда. Указомъ Св. Синода отъ 18 августа 1848 г. предписано было Костромскому епархіальному начальству выслать въ Лифляндію черезъ С.-Петербургъ изъявившихъ желаніе быть тамъ священниками кончившихъ курсъ въ Московской дух. академіи Іоанна Григорьевича Поспѣлова и товарища его А. Л. Бѣликова. Въ Петербургѣ они явились въ канцелярію оберъ-прокурора, директоръ которой познакомилъ ихъ съ дѣлами православія въ Лифляндіи и представилъ прокурору Св. Синода гр. Протасову. Послѣдній при приѣмѣ напомнилъ имъ, что пропаганда православія въ Лифляндіи должна основываться на убѣжденіи принимающихъ православіе въ правотѣ его. 1-го ноября того же года означенные студенты представились въ Ригѣ тогдашнему преосвященному Филарету, викарію Псковскому, и онъ назначилъ Іоанна Поспѣлова священникомъ въ г. Вольмаръ Лифляндской губ. въ латышскій приходъ, но 30-го того же ноября преосвящ. Филаретъ, назначенный епископомъ въ Харьковъ, выѣхалъ изъ Риги, а въ Ригу назначенъ былъ Литовскій викарій преосвящ. Платонъ, прибывшій на мѣсто своего назначенія 7-го декабря 1848 г. Вскорѣ по назначеніи онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ до конца Великаго поста 1849 г.

4 февраля 1849 г. оба земляка, Поспѣловъ и Бѣликовъ, вступили въ бракъ съ дѣвицами купческаго званія, родственницами между собою, и Поспѣловъ былъ посвященъ въ священника 31 марта въ Великій четвертокъ. Вольмарскіе прихожане—православные встрѣтили новаго своего священника не совсѣмъ дружелюбно, и даже ходатайствовали объ оставленіи у нихъ прежняго священника, но прошеніе ихъ не было уважено. Вольмарскій приходъ состоялъ изъ православныхъ русскихъ и новоприсоединившихся къ православію латышей, и Іоанну Поспѣлову пришлось основательно изучить латышскій языкъ и отправлять на немъ богослуженіе и требы для латышей. Въ концѣ 1849 г. священникъ Іоаннъ Поспѣловъ былъ назначенъ помощникомъ благочиннаго, а въ началѣ 1850 г. Вольмарскимъ благочиннымъ. Кромѣ того, онъ былъ законоучителемъ православныхъ дѣтей въ уѣздномъ училищѣ и въ частномъ училищѣ для дѣвочекъ. При Вольмарской церкви была тогда ц. приходская школа, гдѣ свящ. Поспѣловъ обучалъ дѣтей латышей закону Божию на латышскомъ языкѣ; въ эту школу, для обученія русскому языку, отдавали

своихъ дѣтей и лютеране; два мальчика изъ нихъ черезъ два года, по усиленной просьбѣ дѣтей и по желанію ихъ родителей-лютеранъ, были присоединены къ православію. Сверхъ всего этого, свящ. Поспѣловъ былъ членомъ комитетовъ: тюремнаго, оспеннаго и народнаго здравія. Въ 1849 г. скончался Псковскій архіепископъ Наанаиль и управление Псковской епархіей представлено было викарію Псковскому, Рижскому епископу Платону, который, проѣзжая въ Псковъ, обыкновенно заѣзжалъ въ Вольмаръ. Въ одно изъ обозрѣній Вольмарской церкви онъ далъ совѣтъ свящ. Поспѣлову отпечатать его поученія, совѣтъ этотъ былъ исполненъ и въ 1853 г. отпечатаны были краткія поученія свящ. Поспѣлова. По представленію свящ. Поспѣлова пресвящ. Платонъ ходатайствовалъ передъ Св. Синодомъ о составленіи вѣмъ-нибудь изъ профессоровъ академіи основательнаго опроверженія лютеранскаго ученія, но Св. Синодъ предписалъ архипастырю поручить составленіе такого опроверженія получившимъ высшее образованіе священникамъ Рижской епархіи; Вольмарскому священнику І. Поспѣлову поручено было составить сочиненіе о почитаніи святыхъ. Оно было составлено, но не было напечатано, потому что полнаго опроверженія лютеранства не было составлено. Другое представленіе Вольмарскаго благочиннаго отъ всего благочинія о составленіи капитала для вспоможенія зажиточнымъ членамъ причтовъ, вдовамъ и сиротамъ духовенства Рижской епархіи имѣло успѣхъ; изъ добровольныхъ взносовъ отъ каждаго члена причта образовался капиталъ, вполнѣдствіи значительный, изъ котораго нуждающіеся получаютъ значительное пособіе. Въ 1858 г. свящ. Поспѣловъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея; служа при Вольмарской церкви, онъ ежегодно присоединялъ къ православію изъ лютеранства, изъ раскола и даже окрестилъ двухъ евреевъ. Вольмарское общество и даже извѣстный Вольмарскій пасторъ, вполнѣдствіи епископъ и суперъ-интендентъ, Вальтеръ съ о. Поспѣловымъ находились въ добрыхъ отношеніяхъ. Вольмарское городское управленіе пожертвовало нужную часть земли подъ православное кладбище. Изъ ц.-приходскихъ школъ Вольмарскаго благочинія нѣкоторыя дѣти латышей поступали въ Рижскую семинарію и даже въ академію; таковы, напримѣръ, Михаилъ Дрекслеръ изъ Уббёнормской школы, вполнѣдствіи бывший ректоръ Рижской семинаріи.

Въ 1859 г. прот. Поспѣловъ перемѣщенъ былъ, по волѣ архипастыря, къ Венденской Преображенской церкви съ порученіемъ ему должности Венденскаго благочиннаго и депутата по дѣламъ духовнымъ, производящимся въ свѣтскихъ судахъ, а

равно члена комитетовъ: тюремнаго, оспеннаго и народнаго здравія. Былъ онъ и председателемъ комиссіи по переводу богослужебныхъ и другихъ книгъ на латышскій языкъ, (при немъ былъ переведенъ на латышскій языкъ катихизисъ Филарета), былъ и законоучителемъ въ городскомъ уѣздномъ училищѣ и частной классической гимназіи въ мѣстѣчкѣ Биркенруэ въ двухъ верстахъ отъ Вендена, а такъ какъ въ учебникахъ ничего не было сказано о различіи католичества и лютеранства отъ православія, то ему пришлось выдать ученикамъ записки, въ которыхъ на основаніи слова Божія кратко изложена была неправота католическаго и лютеранскаго ученія. Венденскій приходъ, какъ и Вольмарскій, состоялъ изъ русскихъ и латышей, и богослуженіе отправлялось въ Венденской церкви на половину по-русски, на половину по-латышски, равно и проповѣди произносились на томъ или на другомъ языкѣ. Сознавая нужду дать православнымъ латышамъ руководство къ утверженію ихъ въ православіи, прот. Пospѣловъ составилъ и отпечаталъ на латышскомъ языкѣ слѣдующія сочиненія: 1) О молитвѣ, 2) О таинствахъ, 3) О почитаніи св. иконъ и 4) О постѣ. Какъ благочинный, онъ обязанъ былъ посѣщать школы при православныхъ церквяхъ и производить въ нихъ каждую весну экзамены, на которые мѣстными священниками приглашались какъ родители учениковъ, такъ и другіе православные христіане. На экзаменахъ истина православія доказывалась по латышской Библіи, изданной лютеранами. Послѣ одного экзамена одинъ православный латышь усердно просилъ экзаменатора отпечатать для руководства православныхъ то, что онъ объяснял на экзаменѣ; когда прот. Пospѣловъ въ своемъ отчетѣ объ экзаменахъ высокопреосвящ. Платону высказалъ необходимость такого руководства для православныхъ латышей, то архипастыръ поручилъ составленіе этого руководства ему самому; оно и было составлено подъ названіемъ „Поставленіе въ православной вѣрѣ или полный катихизисъ“, въ которомъ подробно разъяснено ученіе православной церкви, отличающее ея отъ лютеранства. Въ 1864 г., по представленію благочиннаго Пospѣлова, высокопреосвящ. Платонъ созвалъ всѣхъ благочинныхъ Рижской епархіи въ Ригу, для составленія ими проекта тѣхъ мѣръ, которыя служили бы для улучшенія быта православнаго духовенства. Собраніе это состоялось въ началѣ августа и проектъ былъ представленъ Св. Синоду въ сентябрѣ того же года.

Въ 1865 г. открылось викаріатство въ Рижской епархіи; викаріемъ назначенъ былъ товарищъ прот. Пospѣлова по академіи и сослуживецъ по Рижской епархіи преосв. Веніаминъ, въ мірѣ Василій

Матв. Карелинъ. Въ первый разъ товарищи встрѣтились при освященіи Сиссегальской церкви Венденскаго благочинія. Въ рѣчи своей къ собравшимся въ огромномъ числѣ прихожанамъ преосвященный укрѣплялъ ихъ въ православной вѣрѣ и убѣждалъ не падать духомъ въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. О ихъ затруднительномъ положеніи въ Лифляндіи повѣдалъ ихъ братьямъ по вѣрѣ ихъ благочинный въ двухъ статьяхъ о настоящемъ положеніи православія въ Лифляндіи, отпечатанныхъ въ мартовской и апрѣльской книжкахъ „Православнаго Обозрѣнія“ за 1865 г. Эти статьи доставили много безпокойства прот. Поспѣлову; его обвиняли въ клеветѣ на лютеранъ, преслѣдующихъ православныхъ за вѣру ихъ, мало того—его обвиняли въ оскорбленіи Ихъ Величествъ. Отъ обвиненія въ клеветѣ защитилъ прот. Поспѣлова Рижскій архипастыръ, а отъ обвиненія въ оскорбленіи приснопамятный митрополитъ Московскій Филаретъ. За эту же статью пострадалъ и цензоръ, дозволившій ее отпечатать,—онъ былъ уволенъ отъ должности цензора. Сильно возмутило прот. Поспѣлова то, что отмѣнена была при смѣшанныхъ бракахъ подписка отъ иновѣрнаго лица, обязывавшая его крестить и воспитывать своихъ дѣтей въ православіи. Немало огорченій понесъ прот. Поспѣловъ за присоединеніе къ православію двухъ арестантовъ въ часовнѣ тюремнаго зданія; глубоко онъ былъ оскорбленъ и тѣмъ, что по освященіи имъ воды въ день Богоявленія въ большомъ проточномъ колодцѣ на Венденской площади, эту воду, пробую пожарную трубу, разливали по разнымъ зданіямъ, чѣмъ старались оскорбить религиозное чувство собравшихся въ множествѣ православныхъ. Еще большую печаль причинило Венденскому прот. Поспѣлову приглашеніе полиціей въ земскій судъ и записываніе тамъ православныхъ латышей, желавшихъ перейти снова изъ православія въ лютеранство, къ чему склоняли ихъ сильные лютеране. Въ восемнадцать лѣтъ своего служенія въ Лифляндіи прот. Поспѣловъ получилъ слѣдующія награды: въ 1851 г.—набедренникъ, въ 1855 г.—скуфью, въ 1858 г.—сапъ протоіерея, въ 1862 г.—камилавку и въ 1866 г.—орденъ св. Анны 3-й степени. Сверхъ того, онъ получилъ бронзовый наперсный крестъ на Владимірской лентѣ и бронзовую же медаль на Андреевской лентѣ въ память Крымской войны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

— 25-го мая, въ день рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Преосвященнѣйшій Виссаріонъ совершилъ божественную литургію въ Костромскомъ кафедральномъ Богоявленскомъ соборѣ. Въ обычное время Его Преосвященство сказалъ слово на текстъ псалма: *что есть человекъ, яко помниши его, или сынъ человекъ, яко посѣщаеши его* (Пс. 8, 5). Послѣ литургіи, въ присутствіи г. Начальника губерніи, почетныхъ и должностныхъ лицъ города, Его Преосвященствомъ былъ отправленъ торжественный царскій молебень съ провозглашеніемъ многолѣтія Его Императорскому Величеству Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому.

— 27-го мая, въ праздникъ Вознесенія Господня, Преосвященнѣйшій Виссаріонъ совершилъ божественную литургію въ Костромскомъ кафедральномъ Богоявленскомъ соборѣ и посвятилъ во діакона окончившаго курсъ Кинешемскаго духовнаго училища и имѣющаго званіе учителя Николая Златоустовскаго, опредѣленнаго къ Успенской цсели Печенкина Велгужскаго у. Въ концѣ литургіи Преосвященнѣйшій Виссаріонъ сказалъ слово на текстъ изъ евангельскаго чтенія: *Воздвиги руцѣ Свои и благослови ихъ* (Лук. 24, 50).

— 30-го мая, въ воскресенье, Преосвященнѣйшій Виссаріонъ совершилъ божественную литургію въ Костромскомъ Упатіевскомъ монастырѣ. На маломъ входѣ Владыка возвелъ въ санъ протоіерея священника села Сидоровскаго Ѳеодора Птицына и въ обычное время сказалъ слово на текстъ изъ апостольскаго чтенія: *Азъ вѣмъ сіе, яко по отишетвиіи моемъ выидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящии стада* (Дѣян. 20, 29).

— 1-го іюня Преосвященнѣйшій Виссаріонъ посѣтилъ Костромскую духовную семинарію и присутствовалъ на экзаменѣ священнаго писанія въ первомъ отдѣленіи VI класса и на экзаменѣ литературы въ первомъ отдѣленіи III класса.

— 3-го іюня Преосвященнѣйшій Виссаріонъ присутствовалъ на экзаменѣ по закону Божію въ 4-мъ классѣ Костромскаго духовнаго училища.

— 5-го іюня, наканунѣ праздника св. Троицы, былъ привезенъ обратно въ Кострому изъ Галича Ѳеодоровскій образъ Божіей Матери. При въѣздѣ въ городъ на новомъ городскомъ и монастырскомъ кладбищахъ были совершены молебствія передъ чудотворнымъ образомъ. Ровно въ 2 часа при торжественномъ колокольномъ звонѣ во

всѣхъ городскихъ церквахъ, чудотворный образъ былъ встрѣченъ городскимъ духовенствомъ за соборной оградой, гдѣ и совершено было предъ образомъ молебствіе въ присутствіи большого числа молящихся; затѣмъ чудотворный образъ крестнымъ ходомъ, сопровождаемый громадной толпой народа, отправился въ Упатіевскій монастырь. За воротами монастыря Преосвященнѣйшій Виссаріонъ встрѣтилъ чудотворный образъ и здѣсь совершено было молебствіе, а потомъ образъ былъ перенесенъ въ Троицкій соборъ, гдѣ по случаю храмового праздника и остался на три дня.—Накануиъ праздника св. Троицы въ Костромскомъ Упатіевскомъ монастырѣ было совершено торжественное всепошное бдѣніе; Преосвященнѣйшій Виссаріонъ выходилъ на литію и величаніе, а по прочтеніи св. Евангелія помазывалъ молящихся освященнымъ елеемъ.

— 6-го іюня, въ праздникъ св. Троицы, Преосвященнѣйшій Виссаріонъ „со славою“ отправился изъ своихъ покоевъ въ Троицкій соборъ, гдѣ совершилъ божественную литургію и посвятилъ во священника діакона Успенской церкви села Успенскаго Николая Полетаева, опредѣленнаго на мѣсто къ Введенской церкви села Денисьева Галичскаго уѣзда. Послѣ литургіи, была отправлена торжественная вечерня, и Преосвященнѣйшій Виссаріонъ прочиталъ положенныя въ этотъ день молитвы съ колѣнопреклоненіемъ.

— 7-го іюня, въ день Св. Духа, Преосвященнѣйшій Виссаріонъ совершилъ божественную литургію въ Костромскомъ Упатіевскомъ монастырѣ и въ обычное время сказалъ слово на текстъ 1-го ирмоса 2-го канона на праздникъ Пятидесятницы: *Божественнымъ покровенъ медленноязычннй пракомъ, извѣтійствова боготисанннй законъ* и д.

— 8-го іюня правима была въ Упатіевскомъ монастырѣ и во всѣхъ городскихъ церквахъ служба преподобному Виссаріону, по случаю тезоименитства Преосвященнѣйшаго Виссаріона, перенесенная съ 6-го числа, праздника св. Троицы, на 8-е число. На молебнѣ преподобному Виссаріону было провозглашено многолѣтіе Преосвященнѣйшему Виссаріону, Епископу Костромскому и Галичскому, со всею его богохранимою паствою. Въ этотъ день Преосвященнѣйшій Виссаріонъ совершилъ божественную литургію въ Упатіевскомъ монастырѣ и въ концѣ литургіи въ алтарѣ принималъ поздравленія отъ городского духовенства. Послѣ молебна Божіей Матери и преподобному Виссаріону Преосвященнѣйшій Виссаріонъ проводилъ за ограду монастыря Феодоровскую икону Божіей Матери, которая въ сопровожденіи множества народа крестнымъ ходомъ была отнесена въ Костромской кафедральный Богоявленскій соборъ. По возвращеніи Владыки въ свои покои, ему

принесли поздравленія корпорація Костромской д. семинаріи и духовнаго училища. Депутація кончающихъ курсъ воспитанниковъ VI класса д. семинаріи поднесла Владыкѣ свою фотографическую группу, при чемъ воспитанникъ VI класса Сергѣй Веселовскій произнесъ Его Преосвященству привѣтствіе отъ лица всѣхъ своихъ товарищей. Преосвященный благодарилъ за поднесеніе и привѣтствіе и передалъ воспитанникамъ для раздачи кончающимъ семинаристамъ брошюру своего сочиненія подъ заглавіемъ: „Нѣсколько практическихъ наставленій готовящимся къ принятію священства“.

Инопархіальныя извѣстія.

— *Новая секта „череззаборники“.* „Сар. Дн.“ передаетъ, что изъ среды Саратовскихъ штундистовъ, именующихъ себя „русскими баптистами“, выдѣлилась новая секта такъ называемыхъ „череззаборниковъ“. Послѣдніе, основываясь на словахъ Спасителя: „Кто не дверью входитъ во дворъ овчій, но прелазитъ индѣ, тотъ воръ и разбойникъ; а входящій дверью есть пастырь овцамъ“ и проч. (Іоанна гл. 10, ст. 1—2), а также: „Я есмь дверь: кто войдетъ Мною, тотъ спасется, и войдетъ и выйдетъ, и пажить найдетъ“ (Іоанна гл. 10, ст. 9),—причисляють къ ворами и разбойникамъ всѣхъ, кто выдаетъ себя за пастыря овецъ Христовыхъ, т.-е. какъ бы самовольно становится на мѣсто Самого Христа-Спасителя, а потому совершенно отрицають православное духовенство, а также видимые храмы и таинства. По ихъ словамъ, спасти черезъ церковь и таинства невозможно, такъ какъ это значить „лѣзть въ царство небесное черезъ заборъ“. Истинное же спасеніе только въ словѣ Божіемъ, просвѣщающемъ всякаго человѣка, поэтому и спасительными они признають только свои собранія, на которыхъ одинъ изображаетъ изъ себя праведнаго Авраама, другой Епоха, иной—Илію, Іоанна Крестителя и т. д. А все остальное „черезъ заборъ“: посты—„черезъ заборъ“, храмы—„черезъ заборъ“, таинства, духовенство, общественныя моленія, обряды всякіе—все это „черезъ заборъ“. Говорятъ, секта эта имѣетъ уже порядочное число послѣдователей.

Отъ Правленія Общества вспомошествованія нуждающимся семинаристамъ.

Церковнымъ причтамъ.

Въ концѣ 1897 г. Костромская духовная семинарія переступила границу 150-лѣтня своего существованія. По этому поводу 25 сентября, въ день памяти преподобнаго Сергія Радонежскаго—небеснаго покровителя семинаріи, послѣ архіерейскаго богослуженія, состоялся особый актъ, посвященный воспоминаніямъ изъ 150-лѣтней исторіи семинаріи (Костр. Епарх. Вѣд. 1897 г. № 20 и слѣд.). Но этимъ ознаменованіе 150-лѣтня семинаріи не кончилось. Нѣкоторые изъ многочисленныхъ, бывшихъ воспитанниковъ семинаріи, разсѣянныхъ не только въ предѣлахъ Костромской епархіи, но и по Россіи, жизнь коихъ Господь еще хранить и благословляетъ, благодарные семинаріи за воспитаніе ихъ, пожелали ознаменовать 150-лѣтіе учрежденіемъ общества вспомошествованія нуждающимся семинаристамъ. Учрежденіе такого общества подсказывалось тѣмъ бѣдственнымъ положеніемъ, какое приходится испытывать немалой части семинарскихъ воспитанниковъ, не смотря на всѣ старанія относительно обезпеченія ихъ со стороны духовно-учебнаго начальства и мѣстнаго населенія. Нагляднымъ подтвержденіемъ сего служило и доселѣ служить то обстоятельство, что существующее въ г. Костромѣ съ 1879 г. при Попечительствѣ о бѣдныхъ „Попечительное общество объ учащихся“ ежегодно тратитъ изъ своихъ средствъ на этихъ семинарскихъ бѣдняковъ отъ 200 до 600 р. (Еп. В. 1898 г. №№ 6, 8 и 14). Потому, какъ скоро стало извѣстно о намѣреніи учредить при семинаріи особое общество попеченія о семинаристахъ, нашлись люди, сочувствующіе добруму начинанію, и жертвователи, и предвѣщаемое общество 2-го февраля 1899 г. открыто и приступило къ своей благотворительной дѣятельности (—1899 г. №№ 3 и 4).

Въ первые же четыре мѣсяца своего существованія общество оказало помощь 26 крайне нуждающимся семинаристамъ: за однихъ уплатило деньги въ епархіальное общежитіе или квартирнымъ хозяевамъ за содержаніе, другимъ устроило и выдало необходимыя и приличныя вещи изъ верхняго платья и обуви (Еп. В. 1899 г. № 11).

Но общество еще обладаетъ настолько ограниченными средствами (3600 р. неприкосн. кап. и около 100 р. расходнаго), что бываетъ вынуждено удовлетвореніе нѣкоторыхъ просьбъ, не смотря на ихъ правдивость, отклонять или откладывать до другого времени, въ ожиданіи полученія новыхъ пожертвованій. Во всякомъ случаѣ увеличеніе средствъ общества представляется весьма желательнымъ и необходимымъ, въ виду большого количества необезпеченныхъ семинаристовъ—сиротъ и дѣтей псаломщическихъ, діаконскихъ и даже священническихъ (см. рѣчь о. Ректора семинаріи при открытіи общества, Епарх. Вѣд. 1899 г. № 4).

Потому, съ разрѣшенія и благословенія покровителя общества Преосвященнѣйшаго Виссаріона, Епископа Костромскаго и Галичскаго, правленіе общества обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ сострадательнымъ людямъ и въ особенности къ священноцерковнослужителямъ Костромской епархіи, о дѣтяхъ коихъ общество забо-

тятся, не оставить личными жертвами и содѣйствіемъ въ сборѣ такихъ между своими сослуживцами и знакомыми по подписнымъ листамъ, каковыя будутъ разосланы чрезъ оо. благочинныхъ. Правленіе ни отъ кого не проситъ непосильныхъ жертвъ, оно благодарно будетъ и за малую, даже копѣчную лепту, подписанную съ добрымъ расположеніемъ. Оно также увѣрено, что благодѣтельницамъ въ крайней нуждѣ юноши нынѣ же вознесутъ за своихъ благодѣтелей горячія мольбы къ Богу и никогда не забудутъ молиться за нихъ, особенно во дни служенія своего церкви въ духовномъ званіи.

Пожертвованія могутъ быть записываемы въ книжки, выданныя членамъ правленія, и подписныя листы, разсылаемые чрезъ оо. благочинныхъ оо. настоятелямъ церквей; подписанныя деньги сдаются тѣмъ лицамъ, кто имѣетъ книжку или листъ. Могутъ пожертвованія или членскіе взносы высылаться и прямо въ Кострому, въ правленіе общества при семинаріи.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Ко дню юбилея Преосвященнѣйшаго Виссаріона 5 ноября 1898 г. изданы Редакціей Костр. Епарх. Вѣдомостей въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и продаются въ пользу общ. вспомош. семинаристовъ:

1. **Альбомъ** Архипастырей Костромской епархіи за 150 лѣтъ ея существованія (20 большого формата фотографій епископовъ и 4 вида: Ипатіевского монастыря (два), Успенскаго собора и семинаріи, въ приличной папкѣ). Цѣна 20 руб.

2. **„Архипастыри Костромской епархіи“** за 150 лѣтъ съ портретомъ еп. Виссаріона. (Біографіи всѣхъ Епископовъ епархіальныхъ и викарныхъ; въ началѣ: Исторія открытія Костромской епархіи; Исторія Ипатіевского монастыря и Успенскаго собора). Цѣна 40 коп. съ пер.

Въ Редакціи или въ Семинаріи у ректора прот. Іоанна Сырцова можно, кромѣ того, приобрести:

а) 150-лѣтіе Костромской духовной семинаріи съ портретомъ еп. Сильвестра и спискомъ всѣхъ служившихъ и учившихся съ 1814 г. Цѣна 40 коп.

б) Память о святителѣ Іонѣ, уроженцѣ Солигаличскомъ. Цѣна 20 коп.

в) Мировоззрѣніе нашихъ предковъ Славянъ до крещенія Руси (888 г.). Цѣна 30 коп.

и г) Возмущеніе Соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ въ XVII в.,—одобрена учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Одна тысяча рублей награды

тому, кто разыщет полностью фамильные и архивы господъ Юдиныхъ, хранившіеся въ городѣ Кинешмѣ, Костромской губ. и въ селѣ Старой Зиновьевкѣ, Корсунскаго уѣзда, Симбирской губ.; — при находкѣ только одного изъ архивовъ, или лишь части котораго либо изъ нихъ, вознагражденіе будетъ опредѣлено въ меньшемъ размѣрѣ, по соглашенію. Адресъ: въ г. Красноярскѣ, Енисейской губ., Геннадію Васильевичу ЮДИНУ.
Г. В. Юдинъ (Юдинъ).

Колоколо-литейные заводы Серапіона Николаевича Забѣнкина

въ г.г. Костромѣ и Краснослободскѣ, Пензенской губ. принимаютъ заказы на переливку разбитыхъ и отливку вновь церковныхъ колоделъ различнаго вѣса и имѣютъ для продажи готовые. Фирма существуетъ съ 1880 г., имѣетъ массу благодарностей отъ заказчиковъ. Съ заказами и справками обращаться въ гор. Кострому, Забѣнкину. 7—10

П. И. Оловянишникова Сыновья

въ Ярославль, 2-й Гостинный Дворъ.
Имѣется громадный выборъ парчи, готовыхъ священническихъ облаченій, иконъ и киотъ.
Пріемъ заказовъ на ризы для иконъ.

15—6

Содержаніе неофициальной части: Судъ Божій надъ тайными грѣхами. (Поученіе Преосвящ. Виссаріона во 2-ю нед. Пятидесятницы). Поученіе окачивающимъ курсъ химико-техническаго училища Ѳ. В. Чинова въ г. Костромѣ. Важнѣйшая заслуга Пушкина предъ потомствомъ. (Рѣчь, читанная воспитанникамъ Костр. д. семинаріи 26 мая 1899 г.). Пятидесятилѣтній юбилей служенія въ священномъ санѣ кафедральнаго прот. Іоанна Поспѣлова. Епархіальная хроника. Иноепархіальныя извѣстія. Отъ правленія общества вспомоществованія нуждающимся семинаристамъ. Объявленія.

Редакторы: Ректоръ Семинаріи Прот. І. Строевъ.
Преподаватель Семинаріи В. Строевъ.

Дозв. цензурой. Іюня 9 дня 1899 г.

Кострома. Въ губ. типографіи.